

INSPIRIA

КАК БЫТЬ СЪЕДЕННОЙ

и жили они
долго...
и счастливо?

18+

Лучшая книга
года по версии

TIME

**The Washington Post
Glamour**

МАРИЯ АДЕЛЬМАНН

INSPIRIA

Ток. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер

Мария Адельманн
Как быть съеденной

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Адельманн М.

Как быть съеденной / М. Адельманн — «Эксмо», 2022 — (Ток. Urmarket Crime Fiction. Больше чем триллер)

ISBN 978-5-04-184726-5

Одна из лучших книг года по версии Glamour, TIME, The Washington Post, Book Riot, USA TODAY, Lithub и The Millions. Мрачно-забавный психологический триллер, где героини средневековых сказок Братьев Гримм оказываются взрослыми, современными женщинами, нуждающимися в психотерапевтической помощи. У каждой из них своя история. У каждой – свои травматические воспоминания о пережитом. В современном Нью-Йорке пять женщин встречаются на сеансе групповой терапии, пытаются справиться со своими психологическими травмами. У каждой есть неделя, чтобы рассказать свою историю. Главное правило: Абсолютная Честность. Бернис борется с последствиями токсичных отношений с психопатом – синебородым миллиардером. Руби утверждает, что когда-то была съедена волком, и теперь носит шубу из его шкуры. Гретель мучают ложные воспоминания о том, как ее держали в плену в странном доме, сделанном из конфет и пряников. Эшли, победительница шоу знакомств в стиле «Холостяк», терзаема сомнениями: действительно ли она получила свой обещанный сказочный финал? А нереальная история любви Рэйны оказывается бесконечно далека от картины, нарисованной в прессе. Очень скоро женщины, сперва настороженно относившиеся друг к другу, понимают: у них гораздо больше общего, чем кажется... Но что на самом деле привело их сюда? Какие секреты они раскроют? И не слишком ли поздно спасти друг друга? Мрачный, смешной, острый, провокационный. Этот роман переосмысливает наши самые уютные, самые любимые сказки и позволяет увидеть весь ужас и несправедливость, заключенные внутри, бросая вызов нашему восприятию правды. «Классические персонажи ужасающе хорошо переносятся в наше время... Книга смешная, мрачная и пронзительная, так как персонажи жаждут верить миру, который часто рассматривает насилие в отношении женщин как просто миф». – GLAMOUR «В этом современном пересказе

классических сказок Адельманн разрушает концепцию "долго и счастливо". Блестяще выявляет историческую эксплуатацию и манипулирование женской травмой в средствах массовой информации. Этот мощный дебют бросает вызов нашему восприятию правды». – Booklist «История ярких, реальных женщин, преследуемых сказочным прошлым. Восхитительный дебют. Чистое веселье с темным сердцем». – Рэйчел Йодер «Адельманн хочет, чтобы мы пересмотрели истории, которые, как нам кажется, мы знаем, и увидели неравенство и ужас, которые мы впитали со сказками. Ее самым дьявольским трюком может быть тот, который она показывает читателю задолго до того, как персонажи узнают его, – важное напоминание о том, чтобы не принимать ничего за чистую монету». – WASHINGTON POST

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-184726-5

© Адельманн М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Неделя первая	7
Начало	7
Бернис	14
Неделя вторая	43
Руби	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мария Адельманн

Как быть съеденной

*Из старых историй мы должны сделать новые жизни.
Кэролайн Хейлбрюн. «Что распускала Пенелопа?»*

Maria Adelman

HOW TO BE EATEN

Copyright © 2022 by Maria Adelman. This edition is published by arrangement with Union Literary and The Van Lear Agency LLC

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Неделя первая

Начало

Женщины собираются в подвальной комнате отдыха «УМСА»¹: твердый пол, застеленный линолеумной плиткой, вдоль одной стены половинчатые окна, из которых открывается вид на тротуар и кирпичную стену. Только что пошел седьмой час вечера пятницы, и наверху кипит жизнью Нью-Йорк. Там, наверху, люди вываливаются со станций подземки в солнечный жар, стремясь навстречу туристическим увеселениям, ресторанам, вечеринкам и друзьям.

Что бы ни делали люди вечером в пятницу, женщины в подвале не делают этого. Вместо этого они расставляют складные металлические стулья и слушают, как резиновые накладки скрипят по полу, когда женщины усаживаются в круг. Берут с низкого раздвижного стола печенье с шоколадной крошкой, разливают – несмотря на жару – кофе в бумажные стаканчики, сдабривая его сухими сливками. Пишут свои имена на белых прямоугольных бейджиках и прижимают эти бейджики к груди. Но сразу же после этого бейджики начинают отклеиваться, словно понимая, чего больше всего хотят эти женщины: избавиться от своей истории, начать заново.

Но они не могут избежать своих имен, они не могут избежать своих историй.

Все они получили копии одного и того же электронного письма.

«**Личная травма, публичная известность?**» – вопрошал заголовок.

«**Необычная история?**» – спрашивало письмо.

Оно продолжалось новыми вопросами: чувствуют ли они себя одинокими или непонятыми? Могут ли выделить у себя определенные симптомы: повторяющиеся кошмары, навязчивые мысли, оцепенение, аутоагрессия, гнев, скорбь, вина, стыд? Заинтересованы ли в бесплатном курсе экспериментальной групповой терапии? Не хотят ли выделить время на отборочное занятие?

Они не хотели.

Бернис прочла письмо, а потом удалила его. Гретель пометила письмо как «спам». Руби прочла половину, затем пометила как «непрочитанное», и оно присоединилось к 5000 «непрочитанных» писем у нее в почте. Эшли даже не видела его, потому что пыталась избегать интернета. Рэйна прочла сообщение и оставила его во входящих, где оно опускалось в списке все ниже и ниже, пока вообще не исчезло с первой страницы.

К тому времени пришло еще одно письмо, а затем еще одно, и еще одно.

Эшли, в момент слабости открывшая свою учетку, сразу же записалась на отборочное занятие. Руби ответила на третье письмо, сидя в одиночку в баре – она решила, что если даже это какой-то обман, оно, по крайней мере, сможет ее развлечь. Бернис и Рэйна ответили на четвертое письмо, подумав, что от отборочного занятия вреда не будет.

Гретель держалась до последнего. Посреди бессонной ночи, чувствуя почти все симптомы, перечисленные в письме, она проверила свою папку со спамом. Удалила четыре из пяти одинаковых писем. Курсор мыши завис над пятым. Что ей теперь уже оставалось терять, в самом деле?

Должно быть, были и другие, получившие письмо – но они не отозвались на него или отозвались, но не прошли отборочное занятие, или же прошли отборочное занятие, но решили не приходить на все последующие.

---

¹ «УМСА» (англ. Young Men's Christian Association) – «Ассоциация молодых христиан», молодежная волонтерская организация.

Быть может, те люди поступили правильно, думают сейчас женщины, ерзая на стульях, вертя в пальцах мобильные телефоны, роясь в своих сумочках, посматривая друг на друга и притворяясь, будто не смотрят на своих соседок, пытаюсь соединить лица с именами, а имена – с историями.

История Бернис недавно появилась в новостях. До этого момента остальные женщины знали ее лишь по прозвищу, которое дали ей СМИ: Женщина Синей Бороды. Темные и странные секреты эксцентричного миллиардера с бирюзово-синей бородой, ставшей его фирменной маркой, в начале этого лета занимали первые полосы газет – в течение двух или трех недель. Даже если ты не обращал на прессу внимания, то все равно подробности сыпались на тебя со всех сторон.

Бернис еще не давала интервью. На снимке, показанном Си-эн-эн, были видны двойной подбородок и легкая усмешка, а карий глаз с подозрением выглядывал из-под яркого зонтика. Комментаторы отмечали: «Почему она прячется?», «Радужный зонтик – на похоронах?», «Почему она оделась именно в синее платье?» Но здесь, в реальной жизни, а не под прицелом камер Си-эн-эн, тихо поедая печенье, она выглядит менее подозрительной, менее скрытной, менее полной. Ее безыскусный офисный костюм, усталые глаза, наполовину обкусанные ногти – все это кажется таким нормальным, таким обычным, что все сенсационные статьи словно не имеют к ней никакого отношения.

Что касается Гретель, все они слышали ее имя, и раз уж она здесь, то это почти наверняка *та самая* Гретель. Героиня странной истории о похищении, которая два с лишним десятилетия назад приковала к себе внимание всей страны: брат и сестра пропали, а потом, три месяца спустя, нашлись во многих милях от дома. Снимок заново обретенных детей в объятиях счастливого отца стал одной из фотографий года в рейтинге «Таймс». Дети делали странные и поразительные заявления, хотя сами не могли прийти к единому мнению о том, что произошло. Заявления остались бездоказательными, но даже спустя кучу лет упрямые сыщиколюбители продолжали искать доказательства и обсуждали теории на форумах, посвященных нераскрытым преступлениям.

На том знаменитом фото Гретель – сплошные локти, колени и спиральные кудряшки, миленькое клетчатое платьице и яркие блестящие глаза. Печально видеть ее сейчас, на четвертом десятке лет, зрелой женщиной со складками на лбу. Она по-прежнему худая, как тростинка, с коротко стриженной шапкой кудряшек. У ребенка эти кудри смотрелись мило, у взрослой женщины – странно. Ее волосы слишком контрастируют с ее серьезным лицом – как будто облако приплыло и угнездились у нее на голове. Вместо клетчатого платьица она теперь носит джинсы и серую рубашку свободного покроя, на ногах у нее туфли из лакированной кожи от «Конверс»². Гретель сидит на стуле, сторбившись и держа в ладонях нетронутый стаканчик кофе, с наушниками в ушах, избегая смотреть на кого-либо. Если по ней и можно считать ее настроение, то оно таково: она предпочла бы сейчас оказаться где-нибудь не здесь.

Рэйне почти сорок, она самая старшая из группы. Хотя догадаться об этом трудно. Она наделена привлекательной элегантностью. Макияж ее выглядит естественным, костюм классический, но практичный: хорошо скроенные черные брюки капри, стильные черные туфли на низком каблуке, воздушно-белая блузка с короткими рукавами, большая сумка-портфель из бежевой кожи, в ушах – серьги из натурального жемчуга. У нее длинная шея и гладкая прическа каре. Одна прядь постоянно выбивается из-за уха, и Рэйна заправляет ее обратно изящным движением пальцев с коротким французским маникюром. Она читает электронную книгу – якобы читает – и пьет кофе из гладкого белого стаканчика с теплоизоляционным покрытием.

---

² «Конверс» – американская компания, производящая обувь с начала XX века и наиболее известная своими кедами.

На левой руке у нее блестит помолвочное кольцо с бриллиантом рядом с павé³ обручального кольца.

Никто из остальных женщин не знает ее, ни в лицо, ни по имени, – хотя время от времени люди узнают ее, в основном тогда, когда она стоит рядом с мужем. Много лет назад ее история подняла целый шторм, хотя подробности всегда были расплывчаты, а теперь в основном забыты. Осталось только некое теплое чувство, которое люди испытывают, когда смотрят на ее супруга – ощущение, что стоящий перед ними человек отважен и добр.

Эшли – недавняя и сомнительная победительница «Избранницы» – самого популярного в стране реалити-шоу о знакомстве женщин с определенным мужчиной. Остальные женщины удивлены тому, что она оказалась среди них. Бейджик с ее именем гласит: «ЭШЛИ Е, 21, ТОРГОВЫЙ КОНСУЛЬТАНТ, ПАРК-ПОНД, ПА». Когда она вошла в комнату, на ней была летняя шляпа с мягкими широкими полями и большие солнечные очки. Она бродила по помещению, с подозрением заглядывая в каждый угол, даже заглянула за кофеварку и свой стул. Ее тронутые розовым блеском губы скептически кривились. Сейчас она сидит на раскладном стуле, обмахиваясь шляпой, закинув одну ногу, покрытую глянцевым загаром, на другую; солнечные очки убраны в сумочку, такую крошечную, что трудно представить, как в ней вообще что-то может уместиться.

В реальной жизни, как и на телевидении, Эшли выглядит трехмерной моделью себя самой. Черты ее лица выразительны, макияж нанесен весьма умело. Она довела до совершенства образ «секси-детки» – очаровательный и опасный одновременно: оленьи глаза, длинные ресницы, пухлые щеки, полные губы. Кожа у нее невероятно гладкая, как будто размытая фильтром. Ресницы густые, ногти острые, клиновидные каблук высотой в три дюйма. Треугольный вырез на нежно-розовом комбинезоне настолько глубок, что заканчивается ниже ее груди, которые... осыпаны блестками? Помолвочное кольцо на ее левой руке настолько массивно, что сама рука кажется чем-то второстепенным. Но даже среди всего этого великолепия ее рот – рот, о котором так много было сказано – выделяется ярче всего. Широкий, выразительный, он кривится и изгибается, отражая каждую ее мысль. В нейтральном положении краешки губ чуть приподняты, словно в легкой усмешке.

Уилл – лидер группы, единственный мужчина среди них. Он наделен ненавязчивой красотой: густые каштановые волосы, мягкие, добрые глаза с зелеными крапинками; голубая рубашка подчеркивает спортивную фигуру, рукава закатаны до середины предплечий. Он держится с благожелательной властью, как молодой учитель старшей школы, которого все любят. Уилл отбирал каждую участницу группы на предварительном собеседовании, после которого в телефонном звонке заверил: хотя он не предполагал, что группа будет полностью женской, он по-прежнему в ответе за них и готов отвечать на индивидуальные запросы.

«Он действительно кажется внимательным», – думают женщины, пока Уилл обводит взглядом их круг, задерживаясь на каждой, чтобы поприветствовать ее – крошечный знак внимания, отмеченный подбадривающей улыбкой. Его зубы – чистая белизна. Глядя на них, каждая из женщин видит что-то свое. Бернис вспоминает белую, как кость, инкрустацию лазорево-голубого туалетного столика. Эшли видит блеск собственного помолвочного кольца. Гретель видит твердый леденец, блестящий на солнце. Рэйна видит улыбку мужа – сплошные виниры.

Должны ли эти зубы на что-то намекать? В конце концов, они уже вложили свои судьбы в руки самых отъявленных психопатов – миллиардеров и продюсеров реалити-шоу, метафорических ведьм и отнюдь не метафорических волков. Быть может, им следует гадать – вероятно, чего-то не хватает? Особенно потому, что одна из них, еще не появившаяся здесь, уже совершила весьма значительную ошибку в отношении зубов.

---

³ Паве – стиль закрепления камней, скрывающий металл и создающий видимость сверкающей дорожки.

Эшли громко вздыхает и окидывает взглядом комнату, ища часы, которых здесь нет. Как раз в тот момент, когда она намеревается спросить, который час, в коридоре раздается перестук высоких каблуков. Он становится громче и громче, пока дверь не распахивается и в комнату не врывается Руби, последняя участница группы. Она останавливается на полпути между дверью и кругом сидящих людей, чтобы перевести дыхание.

– Извините, извините, – произносит Руби. Ее покрасневшее лицо покрыто каплями пота. Губы обкусаны. Волосы в полном беспорядке: большая их часть прилипла к потным щекам, остальные спутанными прядями свисают на плечи. Когда-то они были покрашены в розовый цвет, но теперь краска осталась только на нижних трех дюймах. Очки в прозрачной оправе сползли к кончику носа, их линзы смешно запотели. Как раз в тот момент, когда очки, кажется, готовы совсем упасть, Руби поправляет их.

Неудивительно, что она вспотела. На ней толстая шуба, серая от грязи и нелепая на летней жаре. Полы шубы распахнуты, обрамляя красную блузку и черную складчатую юбку; видна даже истертая подкладка шубы, сшитая из бежевого шелка. Широкий отворот, переходящий в капюшон, откинут на спину. Рукава такие длинные, что наружу выглядывают только кончики пальцев – в заусенцах, с обкусанными ногтями.

Руби вытирает со лба пот меховым рукавом, оставляя на коже жирный сероватый мазок, потом, прищурившись, обводит взглядом круг.

– Бейджики! – восклицает она и, цокая каблуками, направляется к столику с закусками, чтобы заполнить собственную карточку с именем.

Когда Руби снова поворачивается к группе, во рту у нее наполовину съеденное печенье с шоколадной крошкой. Бейджик виднеется среди меха шубы. «КРАСНАЯ КУРТОЧКА», – написано на нем размашистыми заглавными буквами. А ниже, буквами поменьше, выведено: «РУБИ». Она обхватывает одной рукой стул и втискивает его между Эшли и Рэйной. Эшли морщит нос.

– Добро пожаловать, – говорит Уилл, хлопая ладонями по бедрам. Голос его спокоен и ясен, как у телеведущего: успокаивающий, но с нотками серьезности. У него есть впечатляющая способность держать речь и одновременно сканировать круг собравшихся, изучать группу – словно телефон, постоянно проверяющий сигнал.

Он напоминает о том, почему они здесь, – выдает речь, которую они уже слышали каждая по отдельности: о новаторском предварительном исследовании по нарративной⁴ терапии, о том, что каждую неделю одна из них будет брать на себя ведущую роль, рассказывать свою историю, а остальные будут слушать и реагировать.

Уилл напоминает о том, что все они уникальны. Что каждая из них пережила травму, которая в некотором роде разворачивалась публично.

– Люди знают о вас, но знают ли они вас? – спрашивает он.

«Нет, – возражают они, качая головами, – люди нас совсем не знают».

Уилл напоминает об условиях, на которые они согласились, подписав документы перед тем, как присоединиться к группе. Они должны присутствовать и принимать участие – не пропускать собрания, не опаздывать (он с улыбкой смотрит на Руби), телефоны не разрешены. И прежде всего они должны быть полностью и абсолютно честными. Никакой лжи, даже невинной лжи, даже лжи умолчанием. Ничего не скрывать. Уилл называет это «Абсолютной Честностью». Он объясняет, что естественное побочное следствие Абсолютной Честности – напряжение и конфликт. В некотором роде конфликт словно высокая температура – показатель того, что лечение работает, и этот конфликт следует принять как часть процесса.

– Это будет нелегко, но если вы будете сохранять открытость и выполнять свою работу... – Уилл протирает руки, словно благословляя, – ...вы узнаете о себе больше, чем

---

⁴ Нарративный – повествовательный, описательный.

можете представить. – Он позволяет женщинам усвоить его слова и только потом опускает руки.

– Крутая реклама, – произносит Руби со ртом, набитым печеньем. – Давайте уже просто начнем этот спектакль.

– Мы могли бы начать уже... когда? Двадцать минут назад? – отзывается Эшли. – Если бы ты не опоздала. – Ее голос, вибрирующий, звучащий несколько в нос, похож на скрип половиц.

– Я вижу, в жизни ты так же очаровательна, как в телевизоре, – парирует Руби, смахивая крошки с губ мохнатым рукавом.

– Хорошо выбираешь слова, – говорит Эшли. Голос ее по-прежнему повышается и понижается.

Остальные женщины смотрят на свои колени.

– Эшли, – замечает Уилл, – ты сказала Руби, что расстроена ее опозданием. Это отличный пример Абсолютной Честности.

Эшли победно усмехается.

– Абсолютная Честность звучит для меня как Полная Хрень, – фыркает Руби.

– Идеально, Руби, – хвалит Уилл, хлопая в ладоши. – Это именно та честность, которой я добиваюсь. К тому же испытывать такие чувства естественно. Соппротивление – это часть процесса.

Эшли выразительно вздыхает.

– Я имею в виду, если мы должны быть честными, я полагаю, мне следует упомянуть о том, что на самом деле я не знаю, уместно ли здесь мое присутствие? – Она запускает пальцы в свои блестящие волосы; ее острые розовые ногти торчат из прядей словно когти. – То есть я знаменита тем, что влюбилась, а чем знамениты вы? Странными трагедиями? Пребыванием в пасти у волка? Тем, что были заперты в особняке у какого-то придурка? Не хочу никого обидеть, конечно.

– Верно, а ты никогда не была заперта в особняке у какого-то придурка, – хмыкает Руби.

– Не заперта, – отвечает Эшли, потом добавляет: – И к тому же не у придурка.

– Блестящее заявление.

– К слову, о блеске, – Эшли вытягивает левую руку в середину круга, вяло изогнув запястье, словно ожидая поцелуя от джентльмена. – Огранка «принцесса»⁵. Четырнадцать карат белого золота. Прозрачный бриллиант в два карата. Похоже, что у большинства из вас нет серьезных отношений, как я могу видеть по вашим рукам. Я имею в виду, это так печально... – Она выпячивает нижнюю губу, придавая лицу выражение чрезвычайной жалости, роняет руку на колено, потом кивает Рэйне. – Я имею в виду, ты, похоже, замужем, но если уж мы должны быть честными, я, честно говоря, понятия не имею, кто ты такая. Мне кажется, я тебя где-то видела, но, может быть, я ошибаюсь? Может быть, я слишком молода?

– Может быть, – без малейшей обиды отвечает Рэйна. – У меня дочь примерно твоего возраста.

– Может быть, я знаю ее? – предполагает Эшли.

– У нас тут что, игра в двадцать вопросов? – вмешивается Руби. Она щурится, глядя на бейджик Рэйны. – Рэйна в конечном итоге сама расскажет свою долбаную историю, мы ведь здесь за этим, так?

– Я просто подумала, что все мы должны быть чем-то знамениты, ну, понимаете? – говорит Эшли. – Я считала, что в этом весь смысл. Но на самом деле только я и Бернис по-настоящему известны.

– Посмотрим, вспомнит ли кто-нибудь тебя через несколько месяцев, – отвечает Руби.

---

⁵ Огранка повторяет форму октаэдра, то есть структуру необработанного алмазного кристалла.

– И возможно, для тебя было бы лучше, чтобы не вспомнили, – добавляет Гретель. Тон у нее нейтральный, ровный; впечатление портят только кудри, которые подрагивают и подпрыгивают.

– Интересно, – отмечает Руби, словно собирая данные.

Наступает неловкое молчание, нарушаемое лишь приглушенным шумом улицы в самый час пик. Женщины рассматривают свои стаканчики с кофе, свою обувь, стены. Уилл ждет.

Бернис запускает обкусанный ноготь под край своего бумажного стаканчика и начинает его разворачивать.

– Я не столько знаменита, сколько печально известна, – говорит она. Все взгляды устремляются на нее. – Я гадаю, что же на самом деле все вы слышали обо мне.

Все отводят глаза – кроме Эшли.

– По-моему, я слышала о том, что ты в этом участвовала. Типа как помогала ему за деньги. Я особо не обращала внимания. Но бывшие партнерши Синеи Бороды были все вроде как... – Она сводит ладони почти вплотную и ведет ими вниз. – Ну, ты понимаешь. Скорее моделями. В то время как...

– Именно так все и говорят? – спрашивает Рэйна.

– Конечно, именно так и говорят, – подтверждает Бернис.

– Потому что Бернис, знаете ли, относится скорее к типу «вечной страшной подружки», чем к типу любовницы, – объясняет Эшли.

– Ты не в курсе, что у полных людей тоже бывают любовные отношения, да? – возражает Руби. Эшли строит гримаску. Бернис теребит край своего стаканчика.

– Что ты чувствуешь относительно того, что слышишь сейчас? – спрашивает Уилл.

– Я знаю, что думают люди.

– Это не то, о чем я спрашиваю.

– Нормально чувствую. Я все понимаю.

Уилл вздыхает, откидывается на спинку своего стула, хмурит брови: не так, словно она что-то сделала не так, а так, словно *он* сделал что-то не так. Словно он не сумел донести до нее правильную информацию.

– Каковы наши правила?

– Никаких опозданий, – отвечает Эшли, бросая насмешливый взгляд на Руби. – Никаких телефонов.

– И?..

– Абсолютная Честность, – говорит Бернис.

– Именно, – подтверждает Уилл. – Итак, Бернис: что ты чувствуешь, когда слышишь это?

– Боль, – отвечает Бернис. – Мне просто очень больно.

Где-то в городе воеет полицейская сирена. Бернис теперь умеет различать сирены на слух. Этот звук отбрасывает ее на несколько месяцев в прошлое, когда она лежала на диване в доме своего детства, а по стенам пробегали резкие отблески маячков. Комната ритмично подсвечивалась синим, синим, синим. Если и были другие цвета, она их не видела. Кончики ее пальцев были синими, синими, синими. Сам ее разум, все вокруг было синим. Ее сестра была синей, когда говорила: «Все в порядке, Берри, все в порядке, у тебя просто шок».

Бернис пытается вернуться обратно в настоящее. Она чувствует твердый пол под ногами, чувствует прохладную спинку стула. Она не может винить этих женщин за то, что они слышали то, что слышали, или за то, что они думают то, что думают. Она знает, как люди впитывают новости: просматривают заголовки, выхватывают несколько фраз из главных событий часа, ловят слухи в подземке.

– Я знаю, что люди не любят меня. Но, что бы вы ни слышали, возможно, это не вся история.

Уилл откидывается назад, забрасывает ногу за ногу и обхватывает колено сплетенными пальцами.

– И какова же вся история, Бернис?

– Ты хочешь, чтобы я рассказывала первой? – встревоженно спрашивает она.

– Я знаю, что ты можешь это сделать.

Бернис репетировала свой рассказ вот уже несколько недель. Мысленно редактировала отдельные части почти в каждый свободный момент – стоя в очереди на кассу в супермаркете или совершая поездку в подземке. Она видит ее перед внутренним взором, словно отпечатанную страницу. Она хочет изложить свой опыт так близко к истине, как только сможет. До поздней ночи, будучи не в силах уснуть, она лежала, накрывшись с головой одеялом и заткнув уши наушниками, и оттачивала эту историю, ее губы формировали образы слов. Отвечая на электронное письмо, она уже знала, что скажет, – если только страх не помешает ей. Но после всего, через что она прошла, чего ей бояться, в самом деле? Публичного осуждения?

– Хорошо, – говорит Бернис, кивая. Другие женщины, похоже, испытывают облегчение.

– Спасибо, Бернис, – благодарит Уилл. – Приступай, когда будешь готова.

Бернис закрывает глаза, встряхивает руками, делает глубокий вдох, пытаясь избавиться от стресса и тревоги, накопившихся за последние месяцы. Она может использовать усталость себе на пользу. Она может превратить ее в свободное течение слов.

В своей жизни Бернис мало к чему была готова, но сейчас она чувствует, что готова к этому. И открывает глаза.

Бернис

У Синей Бороды, как его называли на сайтах со сплетнями, было два дома: пентхаус на Пятой авеню, выходящий окнами на парк, и синий прибрежный особняк в Ист-Хэмптоне. И под синим я имею в виду «окрашенный в ярко-синий цвет», так, что в определенное время дня при определенной погоде он сливался с небом. Еще у этого человека был синий «Бугатти», девятнадцатифутовый телевизор с системой объемного звука, которым можно было управлять из любой точки мира, и на всех его компьютерах – латунные клавиатуры с круглыми, как у печатной машинки, клавишами; каждая такая клавиатура стоила около двух тысяч долларов. Крашенная борода считалась одним из признаков его эксцентричности.

Я выросла в Ист-Хэмптоне. Мы жили в скромном двухэтажном домике, обитом кедровым сайдингом, который давно уже стал пятнисто-серым. Летом Ист-Хэмптон был воплощением «американской мечты» – семьи, одетые в рубашки поло, катались на лодках под парусом и ели мороженое в вафельных конусах. Я пригласивала с детьми, которые в августе исчезали за самшитовыми изгородями и больше не давали о себе знать. Зимой казалось, что мы живем на краю земли.

До того, как Синяя Борода купил землю на другой стороне улицы, нашими соседями были старики Пирсоны: сначала двое, потом один, потом их взрослые дети приехали, чтобы продать участок. Самым лучшим в их доме было то, что он был маленьким – настолько, что за ним мы могли видеть берег, поросший желто-зеленой травой, и дивный синий простор озера. За обедом – в годы, последовавшие за преждевременной смертью моего отца от легочной эмболии – моя мать смотрела в окно, пока мы ели. «По крайней мере, у нас есть этот вид», – говорила она.

Моя сестра, Наоми, старше меня на два года, часто рисовала этот вид, сидя в раскладном кресле на заднем дворе Пирсонов. Она рисовала на испорченных холстах, которые мать приносила из магазина художественных товаров, где работала. Поэтому часто небо было расколото трещиной-молнией или испещрено придуманными созвездиями.

Строительство особняка уже началось, когда Наоми снова приехала в дом, который я не покидала. Она заслужила крупную стипендию и уехала в колледж, а я оставалась дома, экономя деньги и катаясь на работу в Стоуни-Брук и обратно. Начальник Наоми в некоммерческой организации, где она работала, плакал, когда увольнял ее, – плакал! Он был вынужден следовать политике своей организации – последним устроился, первым увольняешься, – но не хотел, чтобы она уходила.

Особняк с каждым днем становился все выше, шире и синее. Сначала исчез вид из нашего окна, потом утреннее солнце. «Торчит, как больной палец», – повторяла мать каждое утро, глядя в кухонное окно, пока чистила зубы над раковиной. В нашем доме была только одна ванная.

Эштон Адамс – таково было настоящее имя Синей Бороды – прислал нам соседский подарок в ярко-синей коробке для торта. На крышке коробки выпуклыми золотыми буквами была вытиснена наша фамилия, сама коробка была перевязана шелковой синей лентой. На удивление вдумчивый, уникальный подарок от двадцативосьмилетнего миллиардера, сколотившего свое состояние на новейших технологиях. Мы все читали статьи о нем.

Коробка была столь элегантной, что мы не решались даже дотронуться до нее, хотя запах был таким, что перед ним трудно было устоять. Мы все собрались вокруг нее с вилками.

– Дар от врага, – сказала Наоми.

– Он довольно знаменит, – произнесла я скорее как факт, чем как оправдание.

Я взяла на себя честь развязать синюю ленту, позволив ей изящно соскользнуть с коробки – как шелковое белье соскальзывает по гладким ногам. Обвела золотые буквы нашей фамилии

кончиком пальца. Я редко видела свою фамилию напечатанной – да и во всех прочих случаях обычно набирала ее сама шрифтом «Таймс Нью Роман» на компьютере.

– Давайте будем помнить, что он – всего лишь орудие, – сказала Наоми.

– Что за жуткая синяя штука у него на лице? – спросила мать. – Она нужна для того, чтобы отвлекать внимание... от остального его лица?

– Это хипстерская заморочка, – объяснила я.

– Это маркетинговый ход, – сказала Наоми.

– Люди одеваются по-разному, – добавила я.

– Но ты не одеваешься по-разному, – возразила мама.

Это была правда. Это был мой недостаток. На работу я носила черные брюки и блузки с абстрактным рисунком, напоминающим картины, висевшие в офисе корпорации. Нет, правда, рубашки, висевшие в моем гардеробе, вполне подходили к бежево-коричневым пятнистым «произведениям искусства», украшавшим лифтовый холл в скучном управлении компании по производству бюджетной одежды, где я занималась черновой работой для отдела маркетинга. Эта работа не имела никакого отношения к моему диплому по английскому языку и литературе.

– Я слышала, что он прожевывает женщин, как жевательную резинку, – сказала моя сестра. Она каким-то образом ухитрилась выглядеть изысканно в примитивно-туземном стиле, хотя и покупала одежду только в магазинах экономкласса. – Жует, жует, а потом выплевывает. Платит миллионы, чтобы они не жаловались после того, как он их прожует. – Она отложила свою вилку. – Мне он платить не стал бы.

Я открыла коробку с тортом; массивные боковые ограничители уставились в потолок. Торт был ослепительно-голубого цвета, словно яйцо малиновки, однако цвет его был едва заметен по сравнению с запахом: сахар и масло, кокос и миндаль, нотка ванили, густой и теплый аромат. Я представила, как частицы этого запаха поднимаются из коробки, щекоча мне нос.

Я не стала утруждать себя переключением куска торта на тарелку. Просто сунула вилку в торт и подцепила на нее порцию, которую отправила прямо в рот.

– Я... – начала я, но вместо этого подняла палец. Я не могла говорить. Запах был ничто в сравнении со вкусом. Этот вкус буквально расцветал во рту. Текстура была идеальной – мягкой и легкой, глазурь оказалась насыщенной и мягкой. Мать и сестра смотрели на меня.

– Ты что, впала в религиозный экстаз? – спросила Наоми.

– Что ты собиралась сказать? – спросила мать. Но я не могла бы вспомнить это даже ради спасения собственной жизни.

* * *

Едва начав рассказ, Бернис останавливается. Она читала монолог, словно актриса на съемочной площадке в свете прожекторов, но никаких прожекторов здесь нет. Перед ней настоящие лица, не размытые ярким светом.

Уилл опирается подбородком на сплетенные пальцы, слегка кивая. Рэйна разминает свою длинную шею, поворачивая голову из стороны в сторону; жемчужные серьги у нее в ушах мягко поблескивают. Эшли наматывает на палец локон, пожирая Бернис широко распахнутыми глазами – кажется, каждый взмах ее длинных ресниц подобен важному событию. Гретель, ссутулив плечи, смотрит в выложенный квадратным узором пол. Руби, чье лицо блестит от пота, деловито разрывает свой бейджик на крошечные кусочки. Затем поднимает взгляд от своего занятия и спрашивает:

– Почему мы остановились? Еще ничего не случилось.

– Я все правильно делаю? – спрашивает Бернис.

– Здесь нет никакого правильного или неправильного способа, – отвечает Уилл. – Просто продолжай.

Эшли отпускает свой локон, и тот, подрагивая, ложится ей на плечо. Руби разрывает букву «Р» своего имени пополам.

– Бернис, – произносит Уилл, – послушай меня. У тебя все отлично получается, понимаешь?

* * *

На вечеринку пригласили мою сестру.

Мы наблюдали через улицу несколько вечеринок у Эштона: специальные парковщики принимали автомобили-кабриолеты на подъездной дорожке и отгоняли их на стоянку, с участка доносились энергичные раскаты «живой» музыки, в бассейне и на пляже до поздней ночи плескались и перекликались купальщики, над водой вспыхивали фейерверки. Никто, похоже, не спал в это время, даже я, – наблюдая из окна своей спальни, как небо истекает синими отблесками фейерверков, которые не были мне видны.

Наоми столкнулась с Эштоном у почтового ящика, когда он выгуливал своих четырех тибетских мастифов, чья голубовато-серая шерсть была пострижена «под львов». Я никогда не видела, чтобы он выгуливал их сам. Один из псов сунулся в сторону Наоми, нюхая воздух, и Эштон крепче сжал поводок, а потом рявкнул «Стоять!» таким повелительным тоном, что все четыре пса застыли точно статуи.

Я смотрела из окна через тюлевую занавеску, опираясь ладонями на спинку выцветшего диванчика с цветочным рисунком.

Когда сестра вернулась, я встретила ее в дверях.

– Что случилось? Что он сказал?

– Если ты хочешь что-нибудь узнать о тибетских мастифах, то я совершенно уверена: я только что прослушала содержание целой страницы из «Википедии». Сомневаюсь, что я могу отдать должное такому претенциозному тону. – Она сбросила свои серебристые босоножки, оставив их стоять рядом с моими серыми кроссовками, и прошла в кухню, чтобы начать готовить ужин.

– Он просто умный, – сказала я, идя вслед за ней. Я однажды слышала, как он разговаривал в подкасте. – Он очень членораздельно говорит.

– Ты имеешь в виду, что он Выделяет. Каждое. Слово?

– Не все такие умные и социально адаптированные, как ты.

– Ты знаешь, почему он богат? Он крадет данные у масс. Это его работа. – Наоми достала молотый карри, тмин и горчичное семя. Это было заметное улучшение по сравнению с тем, как готовила я: обычно просто вываливала на сковородку замороженные смеси из пакетов. – Он продвигает свой персональный бренд: «Высокомерие в синей обертке». Полагаю, можно продать что угодно, если знаешь, как это упаковать. – Она бросила мне пакет с мелкой черной чечевицей – промыть водой. – Нам нужна чашка этой чечевицы. И ни на какую вечеринку я не пойду.

– Погоди, что? – пискнула я. – Он пригласил тебя на вечеринку?

– Да ладно тебе, Берри, – ответила сестра, с невероятной быстротой шинкуя луковицу. – Для него это просто свидание на скорую руку на глазах у всех. Он называет это «увеселение».

– Какая разница, как он это называет?!

– Нет, спасибо, – отрезала Наоми. Ну конечно. Так кто-то красивый объясняет, что красота не имеет значения, или кто-то богатый говорит, что деньгами счастье не купишь.

– Я хочу пойти, – заявила я. – Пойдем! Сделай это. Ради меня.

Она подняла взгляд от разделочной доски – глаза у нее слезились от лука, хотя я вообразила, что от жалости ко мне.

– Пожалуйста.

– Хорошо, – сказала сестра. – Ради тебя.

Привратник в синем фраке забрал в дверях наши телефоны, назвав каждой из нас четырехзначное число, чтобы после вечеринки мы могли получить их обратно. Потом, с поклоном сделав жест рукой, он пригласил нас пройти в Большую Комнату.

Задняя стена состояла из окон, выходящих на пляж, – вид, который когда-то был нашим. Участники вечеринки перемещались по комнате: женщины в коктейльных платьях, в бикини, в комбинезонах с короткими широкими штанинами, мужчины в костюмах с галстуками-седедками, несколько типов в галстуках-бабочках и в очках и целая толпа тощих небритых мужчин в блейзерах и футболках с вышитой эмблемой компании Эштона. У каждого из присутствующих в руках был бокал уникальной формы, созданный под пару к тому или иному напитку. Напитки раздавали снаружи, у стойки под черепичной крышей – между бассейном и огромной шахматной доской, на которой двое мужчин сражались ярко-синими пешками.

На мне было коктейльное платье баклажанового цвета и украшения, когда-то служившие ансамблем для подружки невесты, а ныне сведенные до бижутерии. Это было лучшее мое платье: оно прятало живот и позволяло показать зад – самую привлекательную черту моего тела. Наоми надела сарафан кремового цвета, расшитый цветами, ее голову окружал нимб из множества косичек.

Я повидала некоторое количество фуршетов с морепродуктами на свадьбах и других празднествах состоятельных друзей, но никогда не сталкивалась с таким огромным разнообразием. Как будто цунами выплеснуло всех морских обитателей прямо в Большую Комнату.

Кроваво-красные клешни омара покачивались над синими крабами с красными кончиками клешней – словно наманикюренными ногтями. Отделенные от тела крабовые лапы торчали из ведерок со льдом рядом с подносами бледных устриц. Ярко-розовые креветки всех размеров пучили влажные черные глаза; их тела от кипятка свернулись в аккуратные полукружья, тонкие усы и лапки были направлены в одну и ту же сторону. На белой скатерти рядом со всем этим великолепием были разложены приборы для перенесения еды на тарелку, напоминающие старинные хирургические инструменты: длинные, тонкие вилки для морепродуктов, с изогнутыми вверх изящными зубцами; угрожающие кривые ножницы; щипцы с крепкими полупрозрачными рукоятками.

Когда моя сестра направилась в туалет, я не знала, как себя вести. Я еще не видела Эштона. Отошла прочь от стола с морепродуктами к большому, украшенному бусинами дивану в углу у окна. Крошечные бусинки были всех оттенков синего – ультрамаринового, «королевского синего», аквамаринового, – но больше всего меня поразила изогнутая линия полупрозрачно-синих бусин, настолько темных, что они напоминали океанские волны, мерцающие под растущей луной.

Женщина, стоящая снаружи, бесстрастно сняла с себя всю одежду, словно раздеваясь в собственной спальне. Ее силуэт показался мне знакомым. У нее был длинный изящный нос, слегка вздернутый на кончике, а плечи были чуть согнуты вперед, как будто она прятала или защищала что-то, таящееся у нее внутри. Может быть, я видела ее однажды на участке соседа, когда она выгуливала его псов? На секунду женщина показалась мне бесплотной в лунном свете. А потом она безупречно ловко нырнула в огромный бассейн, который словно впадал прямо в море.

На поясицу мне легла чья-то рука, и я подскочила. Это оказался Эштон. Его аккуратно подстриженная ярко-лазорева борода настолько бросалась в глаза, что затмевала все остальные его черты.

– Я вас напугал? – спросил он.

– Нет, – ответила я, хотя мое сердце все еще неистово колотилось. Было что-то нереальное в том, чтобы лично увидеть того, кого я столько раз видела в интернете. Фотографии не передавали все впечатление, которое он производил. Они не отражали ни его властную манеру держаться, ни чистую синеву его бороды.

– Вы здесь со своей сестрой? – спросил Эштон.

Я была удивлена тем, что он знал, кто я такая.

– Угу, – промямлила я.

Моя неспособность говорить внятно, похоже, ничуть не поколебала Эштона, а может быть, даже поощрила. Он протянул руку в сторону расшитого дивана, предлагая сесть. Я колебалась, думая, что, может быть, неправильно его поняла.

Эштон сел первым и похлопал ладонью по дивану рядом с собой.

– Вам нравится здесь, на вечеринке? – спросил он.

– Очень, – отозвалась я, усаживаясь рядом с ним и стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и уверенно. – У вас крутой фуршет из морепродуктов.

Сидеть на диване, расшитом бусинами, было неудобно, но я находила успокоение в том, чтобы во время разговора водить пальцем по узорам.

– В каком смысле – крутой? «Крутой» в смысле «превосходный» или «крутой» в смысле «омаров варят живьем в крутом кипятке»?

(Позже я увидела, как он одним резким движением вскрывает ножом хвост омара и забрасывает себе в рот розовое мясо.)

– Как «превосходный».

Эштон, хмурясь, обвел взглядом комнату.

– Быть может, я оказываю плохую услугу... Подобные вечеринки, по сути, – мероприятия для установления связей.

– Лучше здесь, чем в конференц-зале какого-нибудь отеля, где холодно от кондиционеров.

Он засмеялся. Я почувствовала себя необычайно польщенной, хотя изо всех сил старалась не показать этого.

– Дело в том, что такие вечеринки подталкивают к кумовству, в то время как я верю в меритократию⁶.

– Разве от вас зависит, чем занимаются люди на ваших вечеринках?

Эштон посмотрел на кучку людей в блейзерах, которые, стоя полукругом, о чем-то серьезно разговаривали.

– Для них средство выбраться наверх – это не генерировать новые идеи или упорно работать, а обзавестись нужными связями, подольститься к нужным людям. Поэтому они льстят мне. Но они не уважают меня. – Он помолчал и сделал глоток из своего бокала. – Вы знаете, я рано осиротел. Все, что у меня есть, я заработал сам.

– Мне очень жаль. – Я уже знала о его сиротстве: это был единственный факт в разделе «Ранние годы» на посвященной ему странице «Википедии».

– Не нужно. Я усвоил уроки, которые никогда не выучат эти люди. Не важно. – Эштон улыбнулся, плотно сжав губы и явно собираясь уйти. Но мне отчаянно хотелось продолжить разговор.

– Значит, поэтому нам не разрешено проносить сюда телефоны? – поинтересовалась я. – Чтобы не заводить связи?

Он откинулся на спинку дивана и кивнул.

– Да, Бернис. – Я была потрясена тем, что он знает мое имя. – Но не только это. Не следует проводить всю жизнь за экраном.

---

⁶ Меритократия – власть достойных.

– Но вы правите целой технологической империей.

– Я считаю, что технология должна улучшать реальность, а не заменять ее, – объяснил Эштон. – Если у вас есть достаточно умных вещей – если ваши вещи достаточно умны, – они будут знать каждое ваше желание и вам никогда больше не придется смотреть в экран.

Он провел ладонью по дивану.

– Эта обивка расшита вручную. Я купил ее, когда изучал приемы резьбы по кости в Нигерии. Потрогайте.

Я и без того постоянно водила пальцами по дивану, но после его слова выразительно взмахнула ладонью, жалея, что не отполировала свои обгрызенные ногти.

– На экране так не получится, – продолжил Эштон. – В цифровом мире отсутствует текстура. Он бесконечно воспроизводится, создает копии себя самого. Быть может, именно поэтому меня тянет к древностям, созданным вручную предметам, уникальным вещам. Коллекционирование таких вещей – в некотором роде мое хобби. Может быть, даже фетиш. Доставщик из UPS приходит так часто, что у него даже есть доступ на территорию по отпечатку пальца. Но некоторые предметы я создал сам.

Наоми – которая сейчас стояла в углу под картиной Джексона Поллока и ела креветок из специального бокала для креветочных коктейлей, стоящего в отдельной чаше со льдом – посмотрела на меня, слегка расширив глаза. «Видишь, что я имею в виду?» – читалось в этих глазах. Я отвела взгляд.

– Я думала, ваш фетиш... – Обвела жестом синюю комнату. – Ну, вы понимаете.

– О, вы заметили цветовую схему? – со смехом сказал Эштон. – Это началось почти как шутка, небольшая игра на мысли о «голубой крови» – благородной крови. Предприниматели – благородное сословие Америки, но мы так же ущербны, как монархия Старого Света, если просто оказываем протекцию своим друзьям, не говоря уже о наследниках. Если у меня будут дети, я не оставлю им ничего, кроме интеллектуальных орудий и трудолюбия. Может быть, сборник хайку или загадок с подсказками относительно того, где искать всякие забавные мелочи.

Я засмеялась.

– Это забавно, – продолжил Эштон с напряженной улыбкой, – но я не шучу. Синий цвет – это символ. По сути, я говорю, что каждый должен сам сделать себя представителем «голубой крови». Я короновал себя сам.

Он изобразил, как надевает корону себе на голову, и несколько человек, стоявших поблизости, улыбнулись, глядя в нашу сторону.

– Не важно, – заключил Эштон, окинул взглядом вечеринку, потом сжал губы и неопределенно хмыкнул. Я проследила за его взглядом и увидела Наоми, на которую этот взгляд и был устремлен. Она хихикала вместе с одним из парней в футболке и блейзере; в руке у нее была зажата целая нога королевского краба. Темные волосы, выбившиеся из косичек, блестели на свету, придавая ей озорной, юный вид.

Мне было знакомо выражение зачарованного интереса, отразившееся на лице Эштона. Я сотни раз видела это выражение на лицах друзей, родственников, предающихся воспоминаниям учителей (которые вскоре после этого разочаровывались во мне), и даже – память об этом все еще жгла меня – на лице парня, в которого я была влюблена в старшей школе, а он сел рядом со мной в автобусе только ради того, чтобы спросить меня о моей сестре.

– Она весьма привлекательна, – произнес Эштон. – Уверена в себе.

Мы смотрели, как с губ Наоми слетел смешок, превратившийся в полномасштабный смех. Вскоре она смеялась так сильно, что была вынуждена опереться рукой о стойку, чтобы не потерять равновесие.

– Вы с ней хорошо ладите?

– Конечно, – ответила я, а потом добавила с легкой хрипотцой в голосе, выдававшей ложь: – Мне кажется, она с кем-то встречается.

Эштон склонил голову набок, потом медленно повернулся ко мне, словно сова, которая слышала мышь, шуршащую в траве.

– Вы так считаете? – уточнил он.

Я провела обоими указательными пальцами по расшитой бусинами поверхности дивана.

– Да, я так считаю.

Эштон погладил свою бороду и осведомился:

– Сколько вам лет?

– Двадцать три, – сказала я.

– Идемте, – велел он.

Участники вечеринки с любопытством смотрели, как мы идем к лестнице, и расступались, чтобы пропустить нас.

В двухэтажном кабинете, где вдоль стен тянулись книжные полки, а на полу лежала тигровая шкура, Эштон подвел меня к простой лампе с асимметричным кожаным абажуром и латунной фурнитурой. Я не могла понять, почему из всех предметов в кабинете именно эта лампа была чем-то особенным.

– Очень шикарно, – сказала я, не придумав ничего лучше. Эштон просиял. Пол у нас под ногами пульсировал от звуков музыки в стиле техно, звучащей на первом этаже.

– Не так шикарно, как выглядит, – сказал он. Потом сообщил, что это один из немногих светильников в доме, которые все еще включались посредством старомодного выключателя. Щелкнул выключателем несколько раз, а потом, словно по велению мимолетной мысли, снял с ближайшей книжной полки три дневника для записей в сделанных на заказ кожаных переплетках. Глубоко вдохнул запах этих переплетов, словно наслаждаясь ароматом тонкого вина.

– Редкой выделки кожа, – сказал он, протягивая их мне, чтобы я тоже могла их понюхать.

В трехуровневой гостиной мы полюбовались четырьмя сосудами из известняка, стоящими по бокам гигантского мраморного камина. Это были элегантные сосуды размером с человеческое бедро, имевшие форму пули, крышка каждого из них была вырезана в форме головы – одна человеческая, три звериных.

– Мои сосуды Тиффани, – сказал Эштон.

– Как ювелирный бренд?

– Нет, – ответил он. – Как некоторые люди называют свои машины. Тиффани – мое первое крупное приобретение. – Он улыбнулся. – Вы знаете, для чего они нужны?

– Древнеегипетские сосуды, – сообщила я, вспоминая уроки в школе. – Для хранения органов.

– Отлично, – похвалил он. – Каноны. Восьмисотые годы до нашей эры.

– Они пустые? – спросила я, морща носик – как я надеялась, мило.

– Какой в этом был бы интерес? – Эштон указал на каждый сосуд, называя органы, хранящиеся внутри. – Желудок. Кишечник. Легкие. Печень. – Он сделал паузу. – От мозга египтяне избавлялись.

– Доставали через нос крючком, – подхватила я.

– Общее заблуждение. – Он резко взмахнул рукой. – Его взбивали, сунув палочку в нос, пока он сам не вытекал из ноздрей.

Когда Эштон повернулся, чтобы выйти из комнаты, мне показалось, что я слышу слабый писк. Точнее говоря, мне показалось, что я слышу слабый, но членораздельный писк. «Нет!» – гласил этот писк. Я замерла на месте, прижав ногой половицу. Никакого скрипа. Как будто в новеньком особняке Эштона могли быть скрипучие полы!

В его спальне стояло одно из самых ценных его приобретений – туалетный столик синего цвета с инкрустацией из белой блестящей кости в виде повторяющегося узора флёр-де-лис.

– Флёр-де-лис, – пояснил мне Эштон, – предположительно должен символизировать лилию – или, может быть, ирис. Он хорошо известен по своему использованию во француз-

ской геральдике, но у него есть и более темная история. В некоторых местах – например, в Новом Орлеане – этим символом клеймили рабов за попытку побега. Клеймили, – повторил он, выводя пальцем контуры флёр-де-лис на моем обнаженном плече.

– Это ужасно, – отозвалась я, поглаживая крышку туалетного столика. Осколок кости порезал мне палец. – Ой! – воскликнула я, прижимая к порезу большой палец, чтобы остановить кровь.

– Не бывает боли без удовольствия, – ответил Эштон. Лизнув свой указательный палец, он стер с белого костяного узора мою размазанную кровь.

– Мне казалось, что наоборот, – сказала я.

Неожиданно Эштон поднял лицо к потолку.

– Андреа! – позвал он, словно отдавая приказ воздуху.

– Да, Эштон? – откликнулся сверху женский голос, низкий и обескураживающе спокойный. Я осмотрелась по сторонам. – Я Андреа, цифровой ассистент Эштона, – объяснила невидимая женщина.

– Пришли дворецкого с лейкопластырем, дорогая.

– Конечно, Эштон.

Он убрал прядь моих волос за ухо. Я сразу поняла, что он делает, но поверить не могла, что он делает это.

Его голова приблизилась к моему лицу – змеиным движением, быстрым, с уже просунутым между губ языком. Должно быть, я слегка шевельнулась – не знаю, в его сторону или прочь, – и наши зубы ударились друг о друга. Я отдернула голову и засмеялась.

– Давайте попробуем снова, – сказал Эштон.

Я склонила голову набок, чтобы принять его губы, гладкие и тонкие, скрытые между жесткими волосами его бороды. Язык его был ловким и страстно-дерзким. Он был ведущим, я – ведомой.

Я уже гадала, что он сделает дальше. Поведет меня к своей кровати? Что скажет Наоми?

Но когда мы отстранились друг от друга, вид у Эштона был такой суровый, что я начала гадать: быть может, я что-то сделала не так?

– Я должен уделить внимание гостям. – Игра была окончена.

Спустившись вниз, я бродила по комнате одна, с синим лейкопластырем на пальце. Пьяные гости устремились к буфету с десертами, где цилиндрические сосуды с «M&M's» обрамляли многоуровневые витрины с масляным печеньем и сделанными на заказ пирогами. В центре стола красовался такой же ярко-синий кокосовый торт, как тот, который несколько недель назад лишил меня разума.

* * *

– Судя по этому рассказу, Эштон любит подразнить, – говорит Эшли. Остальные женщины смотрят на нее с недоверием. – Что такое? Я не должна прерывать?

Руби сидит на стуле, скрестив ноги; ее складчатая юбка едва прикрывает трусы, туфли на высоких каблуках валяются на полу, шуба театрально ниспадает с плеч, капли пота скользят от переносицы к искусанным губам. Разорванный бейджик, склеенный в нечитаемую мозаику, балансирует на кончике указательного пальца, ожидая, пока его прилепят на место.

– Ты же знаешь, как это работает, верно? – интересуется она.

– Ты не упустила никакие красные флажки, Бернис? – спрашивает Уилл.

– Что за красные флажки? – интересуется Эшли.

– Например, словесный понос этого напыщенного ублюдка, – хмыкает Руби.

– Ну, когда влюбляешься, то не видишь никаких красных флажков, – замечает Эшли. – Типа как из-за розовых очков.

– Именно так и было? – уточняет Уилл. – Розовые очки?

– Да, – говорит Бернис. Потом поправляет себя: – Нет. Я не знаю. – В ее голосе пробивается хрипотца.

– Он заставил тебя почувствовать, что ты важна, – говорит Рэйна. – Именно этого отчаянно хочется в таком возрасте.

– Мужчины и нужны для того, чтобы чувствовать себя важной, – хмыкает Эшли.

– Но это не должно быть использовано против тебя, – возражает Рэйна. – Деньги Эштона, его борода, его внимание – это все не предназначалось ей. Это все было лишь отвлекающим маневром.

– Отвлекающим маневром? – переспрашивает Руби и пришлепывает порванный бейджик к своему обнаженному бедру. – Мне кажется, правильнее будет сказать – «игрой».

* * *

Эштон не любил переписку в мессенджерах. Он предпочитал присылать письма, составленные от руки, и экстравагантные подарки: коробки, наполненные круассанами с голубикой или кексами «синий бархат», синие цветы – незабудки, синие ирисы, букеты потрясающих синих роз, – синюю бархатную коробочку с сапфировыми серьгами и открыткой, адресованной «Дорогой Голуберри» и подписанной «Твой СинеЦветик».

Эштон отсутствовал по несколько дней подряд. Как раз в тот момент, когда я уже уверялась в том, что он бросил меня, он появлялся с каким-нибудь сюрпризом: дорогим ужином в городе, обедом на его яхте. А один раз заехал за мной на работу на синем лимузине – к изумлению всех моих коллег – и увез меня смотреть бродвейское шоу в первом ряду партера. В интернете я обнаружила фотографию, на которой мы выходим из этого лимузина. Синяя борода Эштона сверкает при свете камеры. Где бы мы ни появлялись на публике вместе, его борода притягивала внимание, и за нашими спинами слышались перешептывания.

В момент физической реализации наших отношений я лежала головой в изножье его кровати, а он нависал надо мной, глядя в овальное зеркало над лазурно-синим туалетным столиком с костяной инкрустацией – его любимым предметом обстановки.

После этого Эштон призвал Андреа доставить нам позднюю закуску.

– Как пожелаешь, дорогой.

Мне Андреа представлялась красивой женщиной, похожей на кого-нибудь из его бывших. Я «гуглила» их – они были разные, но тонкие как тростинка, с длинными ногтями и большой грудью.

– Эштон?

– Да?

– Ты заинтересовался моей сестрой.

– Твоя сестра красива. Но у тебя есть кое-что более важное.

Я хотела, чтобы он сказал мне, что именно, но Эштон уже вылез из постели и направился в ванную в синем шелковом халате.

На следующее утро, слишком рано, мой телефон подал признаки жизни. Я свернулась рядом с Эштоном и прошептала:

– Не хочу идти на эту дурацкую работу. Хочу остаться здесь, с тобой.

Его пальцы прошлись по моей спине, вызывая дрожь.

– Я мог бы оставить тебя здесь, – голос его был странным – совсем не игривым, а холодным и логичным, как будто он просто констатировал факт.

Я засмеялась, словно он пошутил.

Его пальцы остановились на моем позвоночнике, словно зубцы штепселя.

– У тебя нет выбора, – сказал он. – Тебе придется остаться здесь навсегда.

Когда через пятнадцать минут я вышла из особняка, здание нависало надо мной, серосинее в темноте. Я отвернулась от него, переходя улицу и наполовину ожидая увидеть, что мой дом куда-то исчез. Но он стоял на своем месте, маленький, точно кукольный. Казалось невозможным, что два этих дома располагались на одной и той же улице. Это было похоже на одну из этих хитрых картинок, где ты видишь либо красивую девушку, либо старую каргу, но никогда обеих сразу.

* * *

Бернис репетировала свой рассказ совсем не так. До этого момента она даже не помнила об этом утреннем разговоре. Но воспоминание никуда не исчезло. Оно скорее напоминало мебель, спрятанную под чехлом. И теперь, сдернув чехол, она почувствовала в животе холодный узел.

– Что не так? – спрашивает Уилл.

– Ничего, – отвечает Бернис.

– Остановись на этом ощущении, – Уилл подается вперед, удерживая ее взгляд, и когда она не говорит ничего, он разрывает этот контакт, откидываясь на спинку своего стула.

Бернис прилепляет свой палец к уголку бейджика, который наполовину отклеился от ее блузки, и отлепляет обратно.

– В то утро мне стало жутко. Мне следовало понять: что-то тут не так. – Голос ее срывается. – Может быть, отчасти я это действительно понимала.

– Послушай меня, Бернис, – говорит Уилл. Он смотрит на нее с такой сосредоточенностью и сочувствием, что остальным кажется, будто они наблюдают некий очень личный момент, и их присутствие в комнате совершенно не к месту. – Быть может, ты стыдишься того, что случилось с тобой, стыдишься того выбора, который сделала, но ты должна также гордиться своей способностью поделиться этим с нами.

Бернис горько улыбается и кивает.

Руби разминает костяшки кулака о ладонь другой руки.

– Да, Руби? – обращается к ней Уилл.

– Ничего, – отзывается она, пожимая плечами. – Но на самом деле это не такое уж большое откровение. Любая девушка двадцати с небольшим лет может влюбиться в какого-нибудь жутенького ублюдка.

– Это не просто какой-то жутенький ублюдок, – поправляет ее Эшли. – Это Эштон Адамс.

– Ну, значит, богатый жутенький ублюдок, – фыркает Руби. – Еще менее оригинально.

Гретель слегка ерзает на своем стуле, и Уилл замечает это – словно ястреб, замечающий любое шевеление в траве.

– Гретель?

– Оригинальность – это цель рассказов?

Тон ее столь невыразителен, что фраза непохожа даже на вопрос, не то что на вызов, но Руби поднимает брови и спрашивает:

– А ты хотела бы выиграть в этом?

– Это не состязание, – говорит Рэйна.

– Я просто сказала, что это не особо необычная история, – поясняет Руби.

– Я поняла, Руби, – говорит Бернис еще до того, как Уилл успевает предложить ей ответить. – Я всегда это понимала, так что не нужно лишний раз на это указывать. Я не была особенной до того, как это случилось, и сейчас я тоже не особенная. Я просто еще одна женщина, которой хватило отчаяния и глупости сунуться напрямиком в ловушку.

* * *

Мой любимый подарок – настоящее яйцо Фаберже, созданное для русской императрицы: сделанное из ляпис-лазури и отделанное изящной золотой филигранью. Внутри лежала печочка с подвеской из редкого доминиканского синего янтаря с мухой, заключенной внутри.

Перед завтраком Наоми посмотрела кулон на просвет, поднеся его к нашему кухонному окну. На свету янтарь был глубокого, искрящегося синего цвета.

– Круто, – сказала она и уронила подвеску обратно в яйцо Фаберже. На столешнице, обитой линолеумом, оно казалось фальшивкой – словно безделушка из универмага. – Мои парни заказывали мне только еду навынос, – добавила сестра и снова принялась взбивать вилкой омлет.

С того места, где я сидела, синий особняк занимал все окно.

– Ты можешь позволить мне просто оставить это?

– Я и позволяю тебе оставить это.

– То, что он богатый, не значит, что он сволочь. Он был просто сиротой из Спокана, который...

– ...который бросил учебу в Стэнфорде, – закончила она за меня. – Знаю, знаю, слышала. Он упоминал об этом мне лично и в каждом своем интервью, это есть на его странице в «Википедии» и в его биографии в «Нью-Йорк таймс»...

– Это нечестно, – сказала я. – Они цитируют это так, как будто Эштон хвастается, хотя на самом деле он просто гордится тем, что сделал свою карьеру сам.

– Вот так Эштон это видит? – спросила Наоми, глядя на меня. Она вылила омлет на скворчащую сковороду, и я подумала про взбитый палочкой мозг, вытекающий из ноздрей. – Вот что я скажу – потому что я пожалею, если не скажу этого. Меня беспокоит то, какую власть он получает над тобой. Ты бежишь на каждый его зов. Ты бросаешь все, когда ему это нужно. Ты знаешь, что для него купить тебе яйцо Фаберже дешевле, чем тебе – купить ему обед в «Макдоналдсе»? – Сестра вздохнула и помешала омлет на сковороде. – В вашей совместной жизни именно он всегда будет определять все. Ты будешь жить в *его* истории. Ты всегда будешь спутником вокруг светила.

Неужели моя сестра не понимала, что я *всегда* была таким спутником? Что я всю жизнь жила в *ее* тени? На наших совместных фотографиях я всегда смотрелась проигрышно по сравнению с ней – будто копия, выполненная неумелой рукой.

Борода Эштона была такой яркой, что все смотрели сначала на него. И все же рядом с ним я не смотрелась кем-то контрастно-ничтожным – скорее, кем-то дополняющим. В женщине, которая находилась рядом с ним, просто должно было быть нечто особенное.

...Как-то раз в субботу, несколько недель спустя, я сидела одна за одним из множества обеденных столов в особняке, рассматривая на экране своего новенького синего ноутбука модели кораблей в наборах для сборки. Я думала, что на Эштона произведет впечатление какое-нибудь хобби такого рода, к тому же мне нужно было чем-то заняться. Я оставалась в особняке все чаще, то на ночь, то на все выходные – отчасти ради того, чтобы избегать встреч с Наоми. Но Эштон, как оказалось, обычно отсутствовал по работе. Я чувствовала себя странно – одна и все же не одна, под взглядами молчаливых дворецких и цифровой ассистентки, которой, как мне казалось, я не нравилась.

Я едва успела заказать один набор с доставкой в особняк в этот же день, когда кто-то закрыл крышку моего компьютера, и я ахнула. По ту сторону стола стоял Эштон, одетый для деловой встречи: синий костюм, синий галстук, синие кожаные туфли.

– Вижу, тебе понравился твой новый ноутбук.

– Я не знала, что ты здесь, – отозвалась я, прижимая руку к груди. – Ты напугал меня до полусмерти!

– Только до «полу-»? – уточнил Эштон. – Перед тем, как уйду, я хочу кое-что отдать тебе. – Он протянул мне маленькую книжечку с золотым обрезом, украшенной филигранью обложкой и золотой застежкой. – Ты проводишь здесь много времени, и я решил, что ты захочешь осмотреть дом получше. – В книге содержались пароли от всех запертых дверей особняка, в то время как сам Эштон мог открывать их посредством голоса или отпечатка пальца. Знаменитый пробный камень «ключи от моего дома», который впоследствии обсуждали во всех СМИ.

Из нагрудного кармана он достал старинный прорезной ключ на ленте, завязанной бантиком, и покачал его на пальце.

– Это от комнаты за винным погребом. Единственное место, куда я прошу тебя не заходить.

– Но тогда зачем давать мне ключ?

Вид у него на мгновение сделался разочарованным.

– Я тебе доверяю, – с улыбкой сказал Эштон и вложил ключ мне в руку.

После его ухода я пошла бродить по особняку, зажав металлический ключ в руке и строя гипотезы относительно таинственной комнаты; я открывала двери, используя невероятно длинные шифры. К тому времени, как я примерила старинный водолазный шлем, сделанный из меди и бронзы, который хранился в шкафу вместе с другим старым оборудованием для погружения под воду, я пришла к мысли, что та комната была проверкой. В ней должны были скрываться какие-нибудь постыдные фетиши Эштона – синие дилдо, коллекция искусственных вагин, приспособления для БДСМ. Если я загляну туда, то предположительно упомяну об этом. Но если я об этом не упомяну, то смогу притвориться, что вообще не была в этой комнате.

Я сняла водолазный шлем и направилась в подвал. Лестница вела глубоко под дом, сквозь лабиринт полок с винными бутылками, которые, как я знала, стоят больше, чем я могу заработать за год. Я замерзла к тому времени, как добралась к тускло освещенной нише со старинной дубовой дверью, в которой была прорезана классическая замочная скважина в форме шахматной пешки. Мое сердце забилося чаще, когда я вставила в скважину ключ и отворила дверь.

Сначала я почувствовала запах – резкий, отвратительный и сладкий, словно от гниющих фруктов. Я подавилась воздухом, потом зажала нос, выпрямилась и вошла внутрь. Если это было как-то связано с сексом, я явно не хотела бы в таком участвовать.

Комната была темной, холодной, слегка сырой и огромной – я могла угадать это по отзвуку своих шагов. Тусклый луч света зловеще пробивался через приоткрытую дверь за моей спиной. Я пощупала холодную каменную стену в поисках выключателя, но не нашла его. Сунула руку в карман за своим телефоном – но я оставила его наверху.

– Андреа? – Ответа не было, только мой голос – гнусавый, потому что я все еще зажимала нос.

Постепенно мои глаза привыкли к темноте. Я увидела стену, где на кольшках висели старинные инструменты – стамески, щипцы, пилы, молотки, мясницкие ножи. Они были сделаны из старой стали; у некоторых были истертые деревянные рукоятки, в трещинах которых лежала чернота. Свернутая щетинистая веревка висела рядом с противогазом из литой синей резины с выпуклыми стеклянными глазами и единственной толстой канистрой, торчащей словно хоботок насекомого.

Что это было? Мастерская? Или что-то вроде стилизации под старинную пыточную?

Я перегнулась через верстак, чтобы прочитать надписи на потертых корешках книг, сложенных в углу: «Энциклопедия таксидермии», «Мебель и другие домашние поделки», «Посмертная анатомия», «Полный справочник по домашней выделке кожи».

Во рту у меня пересохло настолько, что мне пришлось отлеплять язык от нёба, прежде чем заговорить.

– Андреа? – снова попыталась я.

Ответа не было. Я отвернулась от книг и увидела на стене, покрытой потеками, стальные оковы, прикрученные к ней. В середине комнаты с потолка свисала какая-то фигура, темная как тень.

Что это было? Секс-кукла? Секс-кукла на крюке? Секс-кукол можно покупать десятками, выбирая таких, которые тебе нравятся.

Я направилась к ней, и настенные светильники, заключенные в металлическую сетку, зажглись сами собой, один за другим; их свет был желтым и тусклым.

Она была тощей. Голова ее висела, словно склоненная в молитве. Кожа была восковой, синеватой, провисшей на скулах и надбровьях. Нос у нее был длинный, слегка вздернутый на кончике. Мне вспомнилось, как она ныряла в бесконечный бассейн.

Мой желудок стянулся в узел. Взгляд метнулся обратно к инструментам. Я подумала о туалетном столике с костяной инкрустацией, о кожаном абажуре, о томах в кожаном переплете, который Эштон предлагал мне понюхать, обо всех его «приобретениях».

К горлу подкатила тошнота. Я сглотнула ее, во рту остался кислый вкус. Меня он тоже «приобрел».

Ужас взял надо мной верх. Я бросилась к выходу и помчалась вверх по бесконечным лестницам, крича во весь голос, как будто кто-то мог меня спасти... как будто Эштон не спланировал все заранее, как будто дом не был полон слуг, бесконечно преданных ему.

Как раз в тот момент, когда я оказалась у выхода из особняка, по дому прокатилась волна резких щелчков – сымитированный звук запирающихся дверей. Но я все равно стала дергать ручку – отчаянно и безуспешно. Красная кровь размазалась по блестящей ручке, и я осознала, что сжала ключ с такой силой, что проколола кожу на ладони.

– Куда-нибудь уходишь? – спросила из воздуха Андреа.

Моя рука дрожала на окровавленной дверной ручке. Я тряслась так, что зубы мои лязгали – я и не знала, что можно испытывать такой ужас.

– Выпусти меня, – пискнула я.

– Я не могу сделать этого, Тейлор.

– Я не Тейлор.

– А, это была его прошлая девушка, – отозвалась Андреа. – Ты виделась с ней? В подвале?

– Я Бернис! – воскликнула я с такой убежденностью, с какой вряд ли когда-либо произносила свое имя.

– Не нужно кричать, – сказала она.

– Что ты за женщина? – выкрикнула я.

– Я существую вне вашей человеческой концепции гендера.

– Да пошла ты!

– Не нужно ругаться, – укорила она меня.

Даже до того, как я перепробовала все: свой телефон, свой компьютер, двери, окна, шифры из синей книжицы, крик во весь голос, попытки разбить окно синей статуей фламинго, – еще до всего этого я знала, что нахожусь в ловушке.

Я легла на расшитый бусинами диван. Сердце колотилось о ребра, словно пойманный зверек.

– Андреа? – прошептала я.

– Да?

– Ты можешь открыть двери?

– Нет.

– Я могу сказать какой-нибудь пароль, чтобы ты открыла двери?

- Нет.
- А окна?
- Нет.
- Тебе часто задавали такие вопросы?
- Да.

Включился девятнадцатифутовый телевизор, и на экране появилось синебородое лицо моего мужчины. На лице его виднелась полуулыбка – одной стороной рта, как будто он перенес инсульт. Эта усмешка на экране была вдвое больше моего роста. Он выглядел так, как будто мог проглотить меня целиком, но на это оставалось только надеяться: Эштон явно любил помучить свою жертву.

– Нашла что-нибудь интересное? – Его голос из стереосистемы гулом раскатился вокруг меня.

- Нет, – мой голос дрожал.
- Я же просил тебя не ходить туда, – с укором произнес он.

Неожиданно я увидела Эштона таким, как видела его моя сестра, – не героем и не самосозданным владыкой бизнес-империи, а неуклюжим и уродливым негодяем. Его борода была предназначена для того, чтобы прятать его мягкое, глупое лицо. Его высокомерный тон был попыткой придать возвышенность горькой истории невзрачного гика. Я вспомнила всех школьных стрелков, обиженных на своих соучеников и особенно соучениц, добровольных девственников-нацистов, пухлых и раздражительных диктаторов, бледных поганцев, одержимых властью, которые всегда были моими начальниками или моими любовниками.

Это странно: узнать, что твой мужчина – маньяк, и не очень-то удивиться.

- Конечно же я наблюдал за тобой все это время.
- Конечно, – пискнула я.
- Конечно же я у входной двери.

Он вошел, держа перед собой свой телефон, так что теперь в комнате вместе со мной было два насмешливых синебородых лица – три, если считать то, которое отображалось на экране его собственного телефона.

К тому времени, как я осознала, что мне следовало броситься к двери, она уже закрылась за ним.

Должно быть, Эштон заметил, как мое тело слегка дернулось навстречу свободе.

– Извини, – сказал он. – Пытаться бесполезно. На следующие пять часов здесь только ты и я.

Пять часов? Я вспомнила о ножах, молотках, пилах. Я думала, что меня стошнит, но вместо этого принялась неудержимо икать, отчего все, что я говорила, звучало нелепо.

– Не... ик... надо.

– Скажи мне, – отозвался Эштон, хладнокровный, как ящерица, – почему ты не заслуживаешь этого?

Я проверила, нет ли поблизости острых или твердых предметов. Задумалась о самом древнем в мире трюке: соблазнении. Когда я направилась к Эштону, он отложил свой телефон, так что телевизор теперь показывал только ярко-белый потолок, безликий и ровный, словно мягкий свет пустоты, которую ты, предположительно, увидишь после смерти.

Я постаралась, чтобы голос звучал сексуально.

– Я сделаю все... ик... что ты захочешь.

Он наклонился ко мне, словно собираясь поцеловать меня, потом прошептал мне на ухо:

– Я знаю.

Я отступила назад и снова икнула, повторив:

– Не надо...

– Почему? Скажи мне, почему ты не заслуживаешь этого?

– Потому что я не сделала ничего плохого. Ты убил... – Я снова икнула.

Он засмеялся.

– Значит, ты невинная жертва? – Солнечный свет лился в узкое окно рядом с дверью, озаряя его со спины длинным треугольником света. Это было похоже на тщательно поставленную экранную сцену: синие кожаные туфли Эштона ярко сверкали, его смарт-часы отбрасывали блики. – Не говори мне, что ты любила меня за личные качества, не говори, что ты не использовала меня. Где было все это женское внимание, когда я был пухлым подростком в компьютерном лагере? – Он вздохнул. – Я поведал тебе свою философию в самую первую нашу встречу. Ты совсем меня не слушала? – Указал на мою синюю янтарную подвеску, на мой закрытый синий ноутбук, стоящий на столе. – Заслужила ли ты все это? Чем ты заслужила плоды моей работы? Неужели ты думаешь, что можешь получить все ключи от моего королевства, хотя не сделала для этого ничего?

Я почувствовала на своих щеках горячие слезы. До меня вдруг дошло, что я считала – в каком-то смысле, – будто отношения с Эштоном были сами по себе достаточным трудом.

– Ты сам дал мне все это, – сказала я. – Ты дал мне ключи.

– Ты точно такая же, как и все остальные. Ты говоришь мне в лицо «да, да, да», а потом отворачиваешься и делаешь все, что хочешь. Делаешь, по сути, именно то, чего я просил тебя не делать. Ты не уважаешь меня.

– Нет, уважаю, – дрожащим голосом возразила я.

Эштон ухмыльнулся:

– В чем заключается моя работа, Бернис?

– Ты предприниматель.

– Ты даже не знаешь, чем я занимаюсь, и думаешь, будто заслуживаешь тех денег, которые я зарабатываю?

– Ты крадешь данные у масс.

– О, значит, все еще хуже, чем я думал!.. Ты хочешь моих денег, но не хочешь быть замешанной в моих преступлениях? Ты ничем не лучше жены нациста, которая изображает невинность, сверкая золотыми украшениями, снятыми с мертвых, и читая книгу в теплом свете лампы под кожаным абажуром, в то время как ветерок доносит в окно запах горелой плоти. Я, по крайней мере, не притворяюсь хорошим.

«Мужчинам и не надо притворяться хорошими, – подумала я. – По сути, от них ждут некоторой брутальности».

Эштон начал речь, которую, как я была уверена, много раз повторял до того, перед множеством девушек, которых он убил. Помимо всего прочего, эта речь была об аристократии, меритократии, лицемерии, технологии, морали, нарушениях оной и его ассоциациях с синим цветом.

– Моя борода на самом деле не просто синяя, она *циановая*. Циановый символизирует собой букву С в аббревиатуре СМУК – четырехцветной полиграфической модели, которая переводит цифровую суть обратно в физическую. Слово «циановый» происходит от «цианида». Проверь раствор на цианид при помощи сульфата железа, и ты получишь «берлинскую лазурь», первый из современных красителей. Ты это знаешь? – риторически спросил Эштон, хотя я это знала. Глубокий темно-синий цвет, словно «королевский синий», рассматриваемый в полумраке. – Гидроген цианида в газообразном виде – это «Циклон Б», который нацисты использовали в газовых камерах. «Б» означает синильную кислоту, *blausäure*. – Он выговорил это слово, тщательно воспроизводя немецкий акцент.

Эштон старательно вырабатывал некое ядро внутренней логики, но пытаться следовать этой логике было все равно что искать смысл в спаме. Я то слушала его речь, то переставала слушать. Сквозь окно увидела человека, направляющегося к дому. Он был одет в коричневую униформу и держал в руках большую картонную коробку. Доставка UPS. Моя модель корабля.

Доставщик остановился в нескольких футах от узкого окошка, и прямоугольник солнечного света, лежавший на полу, исчез, но Эштон продолжал говорить. Я пыталась поймать взгляд курьера, я хотела, чтобы он прочитал ужас у меня на лице.

– В моем королевстве, – разглагольствовал Эштон, – такие преступления, как твое, караются смертью. Если ты хочешь наслаждаться моим богатством, не делая ничего, ты с тем же успехом можешь быть неодушевленным предметом.

Доставщик вообще не увидел ужас на моем лице. Он просто улыбнулся и жестом показал, что принес посылку. Повернул ручку. И дверь... просто отворилась. Доставка день в день, *deus ex machina*⁷.

Эштон повернулся на звук, и я пнула его в пах. На краткий момент уловила выражение его лица: не гнев и не ужас, а потрясение – потрясение от того, что именно я могла так поступить с ним. Согнувшись пополам, он схватил меня за ступню. Я дернула ногой, вырвалась и выскочила за дверь.

К тому времени как прибыла полиция, озаряя синими проблесковыми маячками синий дом – словно решив напоследок добавить синевы, – Эштон был мертв. Яд. Цианид. Прощальный красивый жест.

* * *

Снаружи уже вечереет, но подвал освещен ярко, словно сцена. Голова Бернис склонена вперед, плечи поникли.

Уилл по-прежнему кивает, всегда кивает, словно болванчик, не знающий покоя. Рот Эшли широко раскрыт, словно отверстие водостока.

– Мне очень жаль, – шепчет Рэйна.

«Доставка день в день, *deus ex machina*». Бернис нравилась эта фраза, которую она проговаривала по ночам под одеялом, репетируя свою речь. Эти слова казались эффектными до тех пор, пока она не произнесла их вслух – и они неожиданно прозвучали нелепо. Может быть, сама фраза и была умной, но вот Бернис умной себя совсем не чувствует.

Она полагала, что к тому времени, когда завершит свой рассказ, с ее души свалится тяжесть. Но ошиблась.

– Это ужасно грустная история, – говорит Эшли, грустно кривя губы. – Честно говоря, я даже не предполагала, что он едва не убил и тебя тоже.

– Да ладно, – хмыкает Руби с преувеличенно выразительным вздохом.

– По статьям в СМИ такого не поймешь, – парирует Эшли. – В основном там писали что-то типа «Особняк миллиардера Синей Бороды – место убийства!» Или вроде того.

– И слово «убийство» тебе ни на что не намекнуло? – спрашивает Руби. Эшли хмурится.

– То, что писали в новостях, было полной бессмыслицей, – говорит Бернис. – Они полагали, что я недостаточно привлекательна, чтобы встречаться с ним, так что я, должно быть, помогала ему – но как? Заманивала женщин? Обеспечивала прикрытие? Даже полиция не пришла ни к какому выводу. Они прекратили допрашивать меня уже давно. – Она делает паузу. – Знаете, когда люди узнают меня, то переходят на другую сторону улицы. Не из страха. Просто из отвращения. Без него я не представляю собой ничего, даже угрозы.

Уильям постукивает пальцами по колену, размышляя.

– Ты проделала очень хорошую работу, рассказывая нам свою историю, – говорит он. – Для меня это прозвучало так, словно ты могла бы рассказать ее где угодно; однако ты отказалась от публичных интервью. Я пытаюсь понять почему.

---

⁷ *Deus ex machina* – буквальный перевод «бог из машины»; в переносном смысле – неожиданное вмешательство неких сил, спасительное для героя.

- Как будто интервью помогут разгрести эту хрень, – бормочет Руби.
- Мне это казалось неправильным, – отвечает Бернис. – Те мертвые женщины не могут дать интервью. Они ничего не могут сказать.
- А разве они не были типа как просто стриптизершами и охотницами за богатством? – интересуется Эшли. – Я имею в виду, без обид.
- Эшли, – мягко произносит Рэйна, – они мертвы.
- Эшли скрещивает руки на груди.
- Сначала меня стыдят за то, что я не читаю новости, – фыркает она, – теперь меня стыдят за то, что я их читаю.
- Чего я добьюсь, если сяду и расскажу свою историю? – спрашивает Бернис. – Почему я должна выкладывать ее перед слушателями? Я имею в виду – даже здесь. Почему я должна сидеть здесь и рассказывать это все вам? – Из глаз ее текут слезы. Она смотрит на свои руки и трет указательным пальцем о большой.
- Рэйна достает из своей сумочки упаковку бумажных платочков.
- Потому что ты все еще жива, – говорит Уилл.
- Я вполне могла бы стать одной из них, – возражает Бернис. Она достает платочек и мнет его в кулаке.
- Уилл чешет плечо.
- Я вот думаю... – Неожиданно он встает, вытаскивает два стула в середину круга, устанавливая их один напротив другого. – Небольшая ролевая игра.
- Руби стонет. Гретель хмурится. Уилл объясняет, что Бернис должна сесть на один из стульев и выбрать из группы кого-то, кто займет второй, чтобы та сыграла роль одной из погибших женщин.
- Я не уверена, что это хорошая идея, – отвечает Бернис.
- Выбирать тебе, конечно, – Уилл кивает.
- Она колеблется, смотрит, как тот снимает со своих брюк катышек ворса и бросает его на пол.
- Да, – говорит она. – Хорошо.
- Уилл улыбается.
- Она занимает свое место на одном стуле и – ко всеобщему удивлению – выбирает Эшли, чтобы та села на второй.
- Эшли сияет и заявляет:
- Я в этом чертовски хороша. По сути, это как групповое свидание. – Она показательно растекается по стулу напротив Бернис, откинув голову назад и закрыв глаза.
- Рэйна смотрит на Уилла, который ходит по кругу.
- Ты уверен, что она должна сидеть вот так? – спрашивает она у него.
- Давай просто посмотрим, как пойдут дела. Бернис, что бы ты ей сказала?
- Полагаю, я сказала бы, что мне жаль, – отвечает Бернис.
- Скажи это.
- Мне очень жаль, – произносит Бернис. Эшли поднимает голову.
- Ну да, мне тоже, – отзывается она. – Потому что я умерла.
- Ты хочешь поговорить о том, как ты умерла? – спрашивает Бернис.
- От ножа, от молотка или от чего-нибудь еще? – предполагает Эшли.
- Какой от этого толк? – спрашивает Гретель.
- Думаю, это проработка личных связей, – говорит Руби.
- Ты умерла легко, – произносит Бернис. – Тебя просто сразу задушили.
- *Легко?* – переспрашивает Эшли. – Это тебе *легко* говорить, потому что ты жива. Они вообще нашли части моего тела? Разве меня не разрубили на куски, а потом похоронили во дворе или вроде того?

– Эшли, – вмешивается Рэйна, – ты действительно думаешь, что женщины, которых убил Эштон, злились бы на Бернис за то, что она выжила?

– Я бы злилась, – отвечает Эшли. – Ее спасло – что? – покупка через интернет. Если я умерла, то больше ничего не смогу купить в интернете.

– Почему ты спрашиваешь о том, как она умерла, Бернис? – интересуется Уилл.

– Потому что это все, о чем они хотят говорить.

– Кто хочет говорить об этом?

– Мертвые.

– Что ты имеешь в виду?

– Призраки? – шепчет Эшли.

Бернис трет затылок, потом касается мягкой, теплой точки под ухом, возле угла челюсти. Слегка приоткрывает рот, чувствуя, как движется ее челюстной сустав. Все части ее тела по-прежнему на месте, по-прежнему работают слаженно, по-прежнему составляют живое человеческое тело.

– Они говорят со мной, – поясняет она. – Они в его мебели. Они в его вещах.

Взгляд Уилла проясняется.

– Мертвые женщины говорят с тобой? – спрашивает он. – Как?

– Не знаю. Словами – в некотором роде. Чем-то средним между словами и мыслями. Они у меня дома. Они не дают мне спать.

– С этого и надо было начинать, правда, – ворчит Руби.

– О чем они говорят? – спрашивает Уилл.

– О, о многом, – отвечает Бернис. – Или, точнее, ни о чем.

– Расскажи нам, – просит Уилл.

– Вы думаете, что я сумасшедшая.

– Лично я не вправе называть кого-то сумасшедшим, – возражает Гретель. Рэйна кивает в знак согласия.

– Выкладывай, – говорит Эшли.

* * *

Несколько дней спустя я, ощущая себя усталой и невыспавшейся, проснулась в своей старой комнате в доме матери. Моя голова лежала в изножье кровати, под таким углом, чтобы ее обвевал сырой ветер с моря. Мгновение покоя – а потом я услышала стрекот вертолета, висящего в небе, и звук работающих на холостом ходу двигателей – стадо съёмочных фургонов выстроилось вдоль всей улицы. Я открыла глаза, и в поле моего зрения оказался угол особняка: синий на синем, нереальный, словно коллаж.

«Серийный убийца», – вещали в новостях, и в моих снах бывшие женщины Эштона представлялись легионом неуспокоенных мертвецов. Они выползали из-под половиц и кроватей в особняке, их ледяная кожа была синеватой, глаза темными, словно синяки, черты их лиц расплывались. Они шли ко мне одинаковой шаркающей походкой, из гноящихся черных ран выпадали опарыши. В этих снах на моей собственной руке (живой, цвета здоровой плоти) темнело багровое пятно в форме ключа.

Эти женщины преследовали меня по ночам, а особняк преследовал меня днем. Он следовал за мной от окна к окну – спальня, ванная, комната. Почему все важные комнаты в нашем доме выходили окнами на эту сторону? Гнев сжимал мое сердце, словно кулак. Я больше не понимала притягательности этого особняка, как не могла и понять ту идиотку – меня, – которую этот дом привлек.

Особняк был нелепым, чрезмерным и назойливым по сути своей – чудовищная синяя насмешка. Яркие статуи псов, охраняющие подъездную дорожку, являли собой дикую смесь

угрозы и детскости, словно садистски искаженные персонажи «Улицы Сезам»⁸; их губы были растянуты, обнажая блестящие десны и яркие зубы, острые, словно кинжалы. Эштон сам был безвкусной шуткой или искаженной куклой-марионеткой – вроде тех, которые оживают в фильмах ужасов, читают всем лекции, а потом убивают.

Я сказала полиции, что, если они ищут тела, им следует проверить мебель.

– Вы видели туалетный столик с костяной инкрустацией?

– У нас есть улики, – произнес детектив, прилагая огромные усилия, чтобы смотреть мне в глаза, одновременно игнорируя меня.

Я знала, что эти «улики» – кучка намеков, которую Эштон оставил в качестве предсмертной записки. Это был ложный след, однако к дому прибывали экскаваторы, сыскные собаки и лодки. Эштон был мертв, он был серийным убийцей, и все же его словам придавали больше веса, чем моим.

После похорон Тейлор мне пришлось уехать из Хэмптона. Наоми помогла мне перебраться в дешевое жилье по субаренде в Квинсе. В бакалейном магазинчике по соседству касир смотрел на меня во все глаза, а потом стал коситься куда-то в сторону. Я проследила за его взглядом – там находилась витрина с газетами и журналами. Я взяла газету, на первой странице которой красовался заголовок «Когда любопытство убивает», – как будто смертельным был сам факт того, что я открыла ту дверь. На обложке журнала было размещено мое фото, сделанное в день похорон: на нем я была в темно-синем платье и под радужным зонтиком; выражение моего лица было таким, словно я усмехаюсь. **«ИСТИННО СИНИЙ!»** – гласила подпись жирным шрифтом. В подзаголовке было написано: **«Любовница Синей Бороды пришла вместо своего мужчины»**.

Я всегда была точкой отсчета для кого-нибудь другого. При рождении я получила фамилию отца, которого почти не знала; в школе я неизменно была младшей сестрой Наоми; в особняке Андреа назвала меня именем Тейлор, а теперь я была безымянной собственностью какого-то серийного убийцы с дурацким прозвищем.

«Темно-синяя одежда на похоронах, – писал в одной колонке какой-то самозванный эксперт, – предполагает то, что она по-прежнему ассоциирует себя с Синей Бородой». Они писали обо мне так, как будто я посетила похороны соперницы, которую помогала прикончить. Они сравнивали меня с улыбающимися женами лживых политиков и преданными фанатами преступников, ждущих смертной казни в тюрьме.

– Что ты здесь делаешь? – спросила меня сестра, сунув журнал не в ту ячейку под сердитым взглядом хозяина магазинчика.

Я не помню, как выбирала платье в день похорон Тейлор. Я помню серый дождь, сверкающую вспышками фотокамер толпу репортеров, огромную церковь, по которой эхом разносились протяжные звуки органа, всхлипывания матери Тейлор у кафедры, сводчатый потолок с перекрещенными выгнутыми нервюрами⁹. Когда я посмотрела на них, у меня закружилась голова, потолок качнулся у меня перед глазами, и на миг я преисполнилась уверенности, что он сейчас опустится на меня, словно гигантская ловушка в игровом автомате.

...У дверей своей новой квартиры я теребила латунный ключ, холодный и тяжелый – казалось, что он давит мне на ладонь, оставляя синяки. К горлу подкатила тошнота, но когда я сглотнула, во рту было сухо, словно я наелась ваты. Наоми мягко отвела мою руку от двери и сама повернула ключ в замочной скважине.

Это была просто пустая квартира. Я стояла в дверях, пока сестра открывала все шкафы, ящики, холодильник, включала и выключала все лампы, проверяла все замки.

---

⁸ «Улица Сезам» – одна из самых популярных в мире детских передач, впервые вышедшая на экраны в 1969 г.

⁹ Нервюра – выступающее ребро готического каркасного крестового свода.

Мы принесли снизу несколько предметов обстановки, которые купили в магазине распродаж, потом встали в центре комнаты, озирая полупустое помещение. Я потянула за цепочку потолочного вентилятора, и пыль посыпалась на нас, словно мелкий пепел.

– Не хочешь пойти и купить что-нибудь еще? – спросила Наоми.

– Нет, – ответила я.

Из стен все еще торчали шляпки гвоздей и шурупов, вбитых и вкрученных в хаотичном порядке – словно крошечные серебристые точки. Я не могла уловить даже намека на форму того, что вешали на них предыдущие жильцы.

Я подумала о стенах в особняке Эштона – стенах, к которым даже прикоснуться было боязно, с расписанными вручную обоями и развешанными в строго выверенном порядке оригиналами картин; в этом дизайне не было ничего хаотичного. Расчет был сильной стороной Эштона. Даже то, что казалось спонтанным, на самом деле было составленным на экстренный случай планом, как те таблетки цианида.

Деревянные полы квартиры покоробились и побелели от водяных потеков под клапанами радиатора. Наоми подошла и прижала скрипучую половицу носком сандалии. Когда она подняла ногу, кривая деревяшка снова выгнулась вверх. Я снова была в своих серых кроссовках и носках – сплошной комфорт и никакого стиля. Синяя борода, синяя янтарная подвеска, миллиардер рядом с тобой – но ты в конечном итоге все равно остаешься собой, не так ли? «Я тебе говорила», – скрывалось под молчанием, которое пролегло между мной и моей сестрой, словно широкое пустое поле.

– Тебе не обязательно ударяться в аскетизм, – сказала Наоми. – Тебе не в чем каяться.

– Знаю.

– Хочешь, я останусь?

– Со мной все в порядке.

Конечно же, это было не так. Я хотела быть одна вечно, и я не хотела больше никогда быть одна. Я хотела больше никогда не отпирать никакую другую дверь, никогда не входить ни в какую незнакомую комнату. Я не хотела сталкиваться больше ни с какими загадками: не хотела получать ни одного подарка в обертке, не хотела читать ни одной книги из серии «разгадка на следующей странице», не хотела смотреть ни один фильм, заранее не зная его концовку. Я хотела избегать всего: себя, новостей, синего цвета – любого оттенка, цианового и сине-серого, сапфирового и лазоревого. Я хотела, чтобы синий цвет исчез из мира. Я хотела, чтобы небо приняло другой цвет, любой другой цвет, но оно каждый день выгибалось над моей головой, словно синяя чаша, и я была букашкой, пойманной этой чашей.

Я знала, что должна быть благодарна – за небо, за солнце, за дни на этой земле, – но я хотела сбежать, вырваться из атмосферы в черноту открытого космоса или, быть может, сложиться внутрь себя, словно оригами, чтобы видеть только черноту. Однако я знала, что даже тогда – или особенно тогда – мертвые женщины из моих снов будут ждать меня, протягивать свои костлявые, разлагающиеся руки ко мне, умоляя меня дать им лица, дать им имена.

...Тиффани, первая жертва, была также и первой из этих женщин, которую опознали после Тейлор.

При жизни она была невысокой и худощавой, с телосложением чирлидерши, белокурыми волосами, большой грудью, фальшивым загаром и маникюром «омбре», украшенным стразами. На фотографиях в Сети и на новостных стендах Тиффани стояла в позе «Ангелов Чарли», одетая в майку с надписью «Hooters»¹⁰. **«Первая жертва гения-миллиардера была официанткой»**, – кричали заголовки. Тиффани, держащая прозрачные пластиковые стаканы с коктейлем цвета фламинго в обеих руках. Тиффани, показывающая в объектив средний палец с ярко-синим наманикюренным ногтем, похожим на коготь. Тиффани, делающая селфи с

---

¹⁰ «Hooters» – частная сеть ресторанов быстрого питания, где униформа официанток – майки и шорты.

губами «уточкой»; с недовольным выражением лица; соблазнительно облизывающая леденец. **«От стервы до жертвы»**, – кричали заголовки. Тиффани, целующая какого-то морщинистого типа, похожего на Хью Хефнера¹¹, в бархатном халате. Тиффани, возлежащая на капоте синего «Бугатти» в синем бикини, в ложбинке между грудями виднеется подвеска из синего янтаря. **«Охотница за состоянием встретила ужасную смерть»**, – кричали заголовки.

– Вы знали ее? – спросил кассир в бакалейном магазинчике, приподняв кустистые брови, как будто я могла поведать ему какую-нибудь историю о романе на троих.

– Нет, – ответила я, обиженная тем, что он мог как-то связать меня с ней. Ногти Тиффани выглядели глупо и безвкусно. Но, может быть, это я была глупой и безвкусной. Имела ли я право осуждать мертвую женщину? И кроме того, мы попались на обаяние одного и того же мужчины, или на деньги одного и того же мужчины, или в ловушку одного и того же мужчины.

– Интересно, что случилось с остальным ее телом, – произнес кассир.

– Что? – переспросила я.

– Они нашли только челюсть, – пояснил он, щелкая зубами.

У меня перед глазами вспыхнула картина: сосуды Тиффани, стоящие по бокам от камина. Теперь я знала, что находилось внутри.

Попасть в особняк оказалось на удивление просто, поскольку расследование перенесли на окружающий участок. Я просто позвонила в полицию и сказала, что мне нужно забрать оттуда кое-какие свои вещи. Я по одному перекатила сосуды через улицу в багажной тележке, посреди белого дня, пока на заднем дворе работали мини-экскаваторы.

Вскоре канопы молчаливыми караульными стояли в маленькой прихожей моей почти пустой квартиры в Квинсе. Крышка каждого сосуда была вырезана в виде головы какого-нибудь египетского бога. Шакал – настороженный и хитрый; бабуин – задумчивый, со сжатыми губами; сокол – свирепый и зоркий; и наконец, человеческая голова – с пухлыми щеками, прической как у «битлов» и выражением, которое словно говорило: «Погодите, что?» Мне представлялось, что такое выражение было на лице Тиффани непосредственно перед смертью.

– Привет, Тиффани, – говорила я, небрежно скидывая кроссовки рядом с ними и встряхивая зонтиком, так, что капли дождя щедро окропляли выпуклые бока сосудов. Я использовала канопы как вешалки, вешая куртки на их крышки-головы, подвешивая свитеры на острые уши шакала. Эти сосуды, вероятно, стоили миллионы, но мне было все равно.

Почему он не превратил ее в предмет декора, как остальных? Может быть, на тот момент еще не вдохновился подобными вещами. Может быть, еще оттачивал свое мастерство, искал свой стиль. Может быть, пытался выдубить ее кожу, снять с нее скальп или отполировать ее кости. Может быть, испортил «материал», или был слишком занят, или чем-то обеспокоен. Может быть, хотел сделать что-то в духе древних египтян и найти применения своим драгоценным канопам...

Он убил ее более чем за пять лет до того, как я познакомилась с ним. За все это время никто так и не заявил о ее пропаже.

...Джейк Джексон, самый загруженный телеведущий Америки, интервьюировал родителей Тиффани в специальном выпуске на Эй-би-си, который вышел сразу после шоу «Избранница». Тот же ведущий, управляющий той же аудиторией.

Я смотрела его после того, как он уже прошел в эфире, на своем компьютере, и мне было тошно. В прежние времена, до Эштона, я смотрела бы это в прямом эфире и наслаждалась бы. Я смотрела интервью, взятые в тюрьме у серийных убийц, смотрела, как преступник заносит руки над головой, воспроизводя момент убийства топором в передаче из серии «Настоящие преступления». Я смотрела и репортажи о реальных преступлениях: стрельба, открытая поли-

¹¹ Хью Хефнер (1926–2017) – американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала «Плейбой».

цейскими, сцены домашнего насилия, попавшие на камеру. Я считала, что собираю свидетельства, но на самом деле просто была зевакой, как и все прочие.

Сейчас все было по-другому. Мой желудок бунтовал, но я должна была знать.

Дом, где выросла Тиффани, был крошечным, обитым бежевым сайдингом, и ему совершенно не соответствовал новенький синий «Кадиллак Эскалейд», припаркованный снаружи. Внутри дома на стенах и обивке мебели пестрели цветочные орнаменты, похожие на какие-то инопланетные виды. Родители Тиффани сидели бок о бок на потертом диване, который проседал так сильно, что они вынуждены были прислониться друг к другу плечами. Лица у них были озадаченными, непонимающими, как будто этих людей много лет назад похитили пришельцы и только-только вернули на землю. Джейк Джексон из-за пластических операций сам был похож на пришельца – словно кукла, на лицо которой натянули пластиковую маску.

– Она всегда улыбалась, – сказал отец Тиффани. Это было неправдой. Фотографии Тиффани висели по всему дому, и на них она в основном хмурилась, наподобие дерзкой фотомодели. Но здесь не было селфи с губами «уточкой», не было среднего пальца, не было медузой позы на капоте. Была просто Тиффани, милая школьница с двумя «хвостиками» и в розовой футболке. Была Тиффани рождественским утром, в красной шелковой пижаме и при полном макияже, с кружкой, на которой было написано «Лучше поздно, чем уродливо».

– Ей никогда не везло с мужчинами, – сказал отец, качая головой. – А это, можно сказать, было везение, которое хуже любого невезения.

– Эта борода была странной, – произнесла мать, – но мы смирились с этим. Экцентричность – это издержки профессии, не так ли?

– И что же это была за профессия? – спросил Джейк Джексон.

– Гений, – ответил отец.

– Честно говоря, – сказала мать, – мы думали, что он для нее был слишком хорош.

– Но он и хорошо вел себя с ней, – добавил отец. – Никогда не поднимал на нее руку. – Джейк Джексон нахмурил брови, и тот добавил: – Ну, до того, как... А потом, конечно, узнать об этом... – Он неопределенно повел рукой, как будто это цветастые обои убили его дочь.

– Была ли это настоящая любовь? – спросил Джейк Джексон.

– Она любила красивые вещи, – ответила мать. – Фирменные сумки и все такое.

– Она любила деньги, – сказал Джейк Джексон. Мать смотрела в пространство, ничего не отвечая, и он продолжил: – Люди не могут не гадать, каким образом она могла быть мертва вот уже пять лет и этого никто не заметил.

– Мы были потрясены так же, как все остальные, – произнес отец. – Мы думали, что она сбежала.

– Это похоже на нее – бежать прочь от всего хорошего, – подтвердила мать. – Например, не прийти на выпускной вечер в школе или бросить колледж, чтобы стать официанткой. – Она сделала паузу и прошептала: – В «Хутерс». Мы говорили ей, мы ей говорили, что в таком месте можно подцепить что угодно. Мы думали, что расставание с Эштоном было плохой идеей, ведь это означало, что ей придется вернуться на эту позорную работу.

– Мы беседовали с полицией, – сказал отец. – И Эштон тоже. Мы все пришли к мнению, что она покинула город. Эштон был безутешен. Показал нам сообщение, которое она написала ему, – о том, что он был слишком хорош для нее, и теперь она хочет начать все заново в каком-нибудь другом месте. Эштон сказал, что потратил тысячи на частного детектива, пытаюсь найти ее.

– «Миллионы», – прошептала мать. – Так сказал Эштон.

– Но он этого не сделал, – сказал Джейк Джексон. – Он лгал. Теперь мы знаем это.

– Да, но у нас по-прежнему есть машина! – ни с того ни с сего воскликнул отец, выпрямляясь, так, что мать слегка подскочила на диване.

– Машина? – спросил Джейк Джексон.

– Он отдал нам «Эскалейд», – сказал отец, вскидывая руки. – Чего вы от нас хотите? Мы были злы на нее! Откуда нам было знать?

– Знаете, что сказал нам Эштон? – спросила мать. – Он сказал, что, если что-то любишь, нужно это отпустить.

Если выставлять их в лучшем свете, они были убитыми горем, потрясением и чувством вины родителями, которые разрывались между двумя Тиффани – той, которая была мертва, и той, которая, как они думали, бросила их и не прислала ни единой весточки.

Будучи выставлены в худшем свете, они были полными идиотами.

Я выключила интервью и вышла в прихожую. Сняла свитеры с голов сосудов Тиффани. Заглянула в каждую пару этих почти трехтысячелетних черных глаз – и увидела за ними взгляд дерзкой сущности Тиффани.

Я вытащила в прихожую стул и села, уперев ноги в противоположную стену. Потом закатала штаны до колен, чтобы расположиться с комфортом.

Я рассказала Тиффани о том, что услышала от ее родителей.

Тиффани заговорили со мной. Они говорили не шевелясь.

«Ну и ублюдки, – сказала Человекобог Тиффани. – Эштон был большим надутым говнюком».

«С маленьким членом», – добавила Сокол Тиффани.

«Чем больше говнюк, тем меньше член», – согласилась Человекобог Тиффани.

«Да, – проклекотала Сокол Тиффани, – я бы с удовольствием склевала этот его мелкий клювик».

«Невелика закуска, – фыркнула Человекобог Тиффани. – Тебе не хватило бы даже до ужина».

Шакал Тиффани с вечно настороженными ушами ничего не сказала; она только смеялась и смеялась.

Бабуин Тиффани молчала с минуту, потом произнесла, почти глубокомысленно: «Мои родители предпочли бы, чтобы меня убил этот в кувычках гений, чем чтобы я работала в том, в кувычках, Хутерс».

– Кавычках, – поправила я.

«Круто, спасибо, – сказала Бабуин Тиффани. – Это будет очень полезное знание для моей чертовой жизни в этом кувшине».

«Посмеемся над ними, – предложила Человекобог Тиффани (Шакал Тиффани и без того смеялась), – потому что я бросила работу в “Хутерс”, чтобы работать в том, в кавычках, джентльменском клубе, где и встретила этого психа».

«Вот какого высокого они обо мне мнения, – сказала Бабуин Тиффани, следуя своей собственной линии размышлений. – Зато у них остался “Эскалейд”, мать его так».

«На кого же злиться? Такой богатый выбор, – сказала Человекобог Тиффани. – На моих родителей за то, что они такие сволочи? На моих родителей за то, что они такие долбаные идиоты? На этого говнюка за то, что убил меня? Эштон был прав в одном. Я использовала его ради денег. А почему нет, черт побери? Он же использовал меня ради моих сисек. Что тут такого особенного, а?»

Я ощутила головокружение. Подтянув ноги на стул, опустила голову между согнутых колен и прошептала:

– Почему вы меня не предупредили?

Шакал Тиффани зашлась долгим, высоким смехом.

«Не предупредили тебя? – переспросила Бабуин Тиффани. – Мы предупреждали всех – все мы. Никто не слушает того, чего не хочет услышать. Никто».

Я вспомнила писк «Нет!», который приняла за скрип половиц. Подумала о мебели, о женщинах, запертых в особняке и зывающих к чередке любовниц, которые проходили мимо

– и в конечном итоге пополняли ряды тех, кто влип в эту паутину до них. Потом – о толпе репортеров, роящихся у ворот особняка, о копах и детективах, обыскивающих дом, задающих вопросы друг другу – но никогда *им*. Как это бесит: когда вокруг полным-полно людей, но тебя никто не слышит...

* * *

Раздается протяжный хрустящий звук, и все оборачиваются. Оказывается, Руби шумно вытягивает внутреннюю вставку из пачки с печеньем, открывая рядок свежих кругляшков с шоколадной крошкой.

– Что такое?

– Ты хочешь что-нибудь сказать? – интересуется Уилл.

– Ничего, – отвечает она, берет три печенья и босиком возвращается на свое место.

– Эта история становится более... давай используем твой термин, Руби... *оригинальной*, не так ли?

– Конечно, – соглашается Руби.

– Это тебя расстраивает?

– Наводящий вопрос. В любом случае у меня есть более важные вещи, о которых я могу беспокоиться. Например, глобальное потепление. Или цены на аренду.

– Ты уклоняешься от ответа, – укоряет Уилл.

– Мы торчим тут уже несколько часов. Я хочу есть. – Она держит печенье, словно флеш-карточку с важной информацией. – Как там сказал Фрейд? Иногда печенье – это просто печенье?

Она снова обращает взгляд на Бернис. Та обводит взглядом группу.

– Можно спросить... – Она колеблется. – Вы мне верите? Я не могу винить вас, если не верите. Я бы сама себе не поверила еще пять месяцев назад.

– Я не стала бы тратить время зря, пытаюсь вычислить, кто тебе верит, а кто нет, – с ноткой сочувствия отвечает Гретель.

– Я тебе верю! – заявляет Эшли.

– А во что бы ты сама не поверила? – интересуется Руби.

– Значит, ты ей не веришь? – спрашивает Уилл.

– Я не мерило истины, – отвечает Руби.

– А как насчет тебя, Рэйна? Ты веришь Бернис?

Рэйна серьезно оценивает вопрос.

– В моей жизни было время, когда я верила... не знаю. Я верила в то, во что верят все. В законы физики, допустим. В те времена я не поверила бы ничему из этого. – Она поворачивает голову к слепым окнам подвала; ее профиль смотрится совсем как на обложке «Вог». – Но после трагедии что-то изменилось. Как будто ты всю жизнь шла, просто переставляя ноги одну за другой и зная, что под твоей стопой всегда окажется твердая земля, а потом неожиданно... ее не оказывается. Почва уходит из-под ног. Невероятное случается, и ты просто... падаешь.

– Что ты хочешь сказать? – спрашивает Бернис. – Что трагедии доказывают, будто худшее – *самое худшее* – действительно может случиться?

– Я хочу сказать, что если ты не веришь, будто мир всегда будет вести себя так, как ты полагаешь – если невозможное становится возможным, – то ты можешь поверить во многое.

– И это делает тебя более сочувственной и понимающей? – скептически уточняет Бернис.

Рэйна кивает, и ее непокорный локон снова выбивается из-за уха.

Бернис переводит взгляд с этого локона на свои ладони, лежащие у нее на коленях и сжимающие стаканчик с остывшим кофе. Ногти у нее зазубренные, сплошь в заусенцах – следствие дурной привычки, которая выдает ее тревожность и лишь усугубляется.

– Для кого-нибудь вроде тебя это было бы иначе, – говорит Бернис. – Легче найти светлую сторону. – Она делает паузу. – Когда ты падаешь, Рэйна, люди, скорее всего, бросаются тебе на помощь. В моем случае они показывают на меня пальцами и смеются.

– В новостях с тобой обошлись нечестно, – отзывается Рэйна. – Я даже представить себе не могу, через что тебе пришлось пройти.

– Дипломатично, – с подозрением бросает Руби.

– Может быть, Рэйна и выглядит так, как будто у нее есть все, – замечает Уилл, – но следует помнить, что многие из нас снаружи совсем не такие, как внутри.

– Да, но не я, – возражает Руби. – Я именно такая, какой вы все меня видите.

– Эштон видел меня именно такой, какой я была, – говорит Бернис.

Она смотрит, как рука Рэйны поднимается к непокорному локону; кончики ее ногтей такие же белые, как ее жемчужные сережки, жемчужные сережки блестят так же, как кольца на руке, – и вот волосы приведены в порядок, и рука снова ложится на колено, как будто у всего есть свое место, как будто вернуть все, как было, очень просто...

* * *

Несколько недель спустя я вернулась в Ист-Хэмптон посреди ночи вместе с Наоми и взятым напрокат грузовичком. Я даже не боялась. Я слишком устала, чтобы бояться, иначе я боялась бы все время, так что обстоятельства не имели никакого значения.

– Ты уверена, что не хочешь просто пойти в универмаг? – спросила Наоми, когда я сказала, что хочу забрать мебель из особняка.

Я забрала не только мебель, но и кое-какие другие предметы: белый костяной гребень, дневники в кожаных обложках, викторианскую шляпку, изящные цветочки на которой – я была в этом уверена – были сделаны из человеческих волос. Даже посреди ночи, пробираясь на место преступления, моя сестра выглядела прекрасной. Теперь она работала в благотворительной организации «Юнайтед уэй». У нее был очень милый парень по имени Рави, и я была уверена, что он не попытается ее убить.

– Я не понимаю, зачем тебе все эти вещи, – повторяла мне Наоми. – Мы можем купить тебе мебель, которая не будет напоминать тебе... ни о чем.

К тому времени, как мы втащили все в мою квартиру в Квинсе, на небе уже занялась заря, и моя квартира была похожа на место распродажи дорогого барахла из какого-нибудь поместья.

Как только моя сестра ушла, одна из Тиффани пробормотала: «Опять эти сучки».

Это был не слаженный хор голосов, который надеешься услышать от орды мертвых женщин, преследующих тебя. Это была какофония – как будто после звонка с последнего урока в девичьей школе после особенно неудачного дня: крики, полные злости и разочарования, горькие жалобы, тихие слезы и громкие рыдания, обиженные всхлипывания. Они сразу же начали с самых своих ужасных историй: о том, как они умерли, о том, какими предметами они предпочли бы стать, о том, какой мусор все религии мира, теперь они поняли это, даже перерождение – полная чушь, ведь она предполагает, что ты возвращаешься в мир заново, живым, не помнящим ничего, способным делать выбор.

Думая, что это может помочь, я стала читать им вслух книгу, которую читала в старшей школе, а теперь нашла в Сети. Она была написана человеком, выжившим в концлагере¹².

– Видите, что он говорит? – спрашивала я у них. – Он говорит, что, сколько бы свобод у тебя ни отняли, ты по-прежнему можешь выбирать, о чем тебе думать, ты по-прежнему можешь выбирать, чего тебе...

---

¹² Речь идет о книге В. Франкла «Сказать жизни “Да!”. Психолог в концлагере».

«Лучше бы тебе заткнуться поскорее», – сказал туалетный столик с костяной инкрустацией.

«Мы не в настроении слушать истории о холокосте», – сказала лампа.

«Если ты прочтешь нам еще хоть одну строчку этой пакости, – сказала Человекобог Тиффани, – я буду жить в настоящем, буквальном аду».

«Нам всем нужно просто сохранять спокойствие, – сказал дневник. – Может быть, попробовать какие-нибудь приемы самопомощи...»

«Самопомощь – это неолиберальная ловушка», – возразила лампа.

Я закрыла окно браузера, сложила руки на коленях и стала слушать. Это было самое меньшее, что я могла сделать.

Чарисс выросла в Калифорнии, ее воспитывала бабушка. Вскоре после того, как Чарисс поступила в колледж в Нью-Йорке, бабушка умерла. Чарисс встретила Эштона вскоре после того, как выпустилась из колледжа – с долгом за обучение более чем в сто тысяч долларов и без работы.

Через шесть месяцев она стала тремя кожаными обложками для дневников и закладкой. В отличие от людей, которые тратятся на дорогие новые дневники, Эштон не был склонен испытывать пиетет перед чистыми страницами личного журнала. Он заполнил треть одного из дневников своими заметками по столярному делу, таксидермии и приемами инкрустации костью. Почерк у него был мелкий и аккуратный. Небольшие рисунки, похожие на архитектурные чертежи, демонстрировали мерки, по которым он делал предметы мебелировки. Инициалы Чарисс были оттиснуты на золотой фольге с внутренней стороны обложек. На кожаной закладке старомодным шрифтом с засечками была вытиснена цитата: «Истинный герой американской утопии – это не ковбой и не солдат, а пионер, первопроходец»¹³.

Дневники-Чарисс говорили в унисон или повторяли одно и то же по одному. Закладка была молчаливой, хотя иногда она читала вслух свою цитату, и дневники жаловались разом: «Что это значит? Что это значит? Что это значит?»

«Кажется, это фраза Вирилио, вырванная Эштоном из контекста для его собственных гнусных целей», – объяснила Айша, которая – до того, как стать лампой – изучала политическую теорию в Нью-Йоркском университете.

Иногда Чарисс спрашивала, не хочет ли кто-нибудь узнать свои характеристики, и, независимо от того, хотели они или нет, принималась зачитывать вслух: «Табуретка. Семь дюймов шириной. Четырнадцать дюймов длиной. Девять с половиной дюймов высотой. Цвет по модели “Пантон”, знак вопроса, знак вопроса, знак вопроса. Лазурный, знак вопроса».

К тому времени, как Чарисс начинала перечислять измерения, чаще всего был уже поздний вечер и все мы были слишком измотаны эмоционально, чтобы убедить ее замолчать.

Айша предположительно была третьей жертвой – абажур был предположительно сделан из ее кожи. В новостях, к вящей ярости Айши, о ней постоянно говорили как об «иммигрантке, занимавшейся неквалифицированной работой в погоне за Американской Мечтой». Я поместила ее рядом со своим креслом для чтений, хотя долго не решалась включить в ней свет. Голос ее был с эхом, словно через рупор, из-за конусовидного абажура.

«В ретроспективе не могу сказать, что любила его. Может ли кто-нибудь из нас задним числом сказать, что мы его любили? На самом деле это иронично. Это пик позднего капитализма, не так ли? Быть привлеченной богатством, быть убитой за желание богатства, а потом быть трансформированной в уникальный предмет, своего рода протест против массового производства?»

В каком-то смысле я могла понять, что свело Айшу и Эштона вместе.

---

¹³ Поль Вирилио. «Информационная бомба».

Туалетный столик – тот самый, с костяной инкрустацией в виде флёр-де-лис – был Бланш. Мы все не любили ее. «Бланш была единственной, кому удалось выкрутиться», – заметила Чарисс, хотя было понятно, что выкрутиться Бланш не удалось.

«Он не сыграл со мной тот трюк с ключом, – гордо сказала Бланш. – Я решила порвать с ним. Я начала собирать свои вещи, и в тот же вечер он усыпил меня хлороформом. Он очень горевал, когда убивал меня, плакал, рыдал и все такое».

«По мне он не плакал», – сообщили дневники-Чарисс в унисон, не замечая, как польстили этим Бланш.

«Твое появление меня удивило, – сказала мне Бланш. – Я была похожа скорее на твою сестру. Но, полагаю, каждый берет то, что может получить. Конечно, ничего не хочу сказать о тебе, но просто если рассматривать телосложение – он западал на... определенный тип. Ну, ты понимаешь».

Иногда, когда Бланш говорила, я мечтала о том, чтобы поцарапать ключом ее идеальную гляцевую поверхность.

«Ни на какой тип он не западал, – возразила Айша. – Он коллекционировал разные типы. Вот почему мы все такие разные».

Бланш проигнорировала ее.

«В конечном итоге все эти деньги, все эти причудливые штуки, – вещала она, – не могли скрыть тот факт, что ему было скучно. В постели он был эгоистом. Секс с ним был ужасен – сплошная головная боль и минеты».

Я подумала о своем первом разе с Эштоном, о том, как тот смотрел на туалетный столик – на Бланш. Я знала, что, удовлетворяя меня, он получал удовлетворение лишь от того, что мучает ее.

«По сути, – сказала она, – я могла бы справиться и получше».

«Да, да, конечно», – ответили мы все, ненавидя ее за то, что она заставила нас осознать, чего мы были лишены.

«Как он убил тебя?» – спросила Айша.

«Мне неудобно об этом говорить», – ответила Бланш, как будто существовал некий кодекс относительно способов смерти и рассказов о ней.

Тиффани, с другой стороны, рассказывала без стеснения: она была задушена в постели во время секса.

«Как и у каждого третьего мужика, у него был пунктик на удушении, так что я даже не заподозрила ничего такого, пока не умерла».

«Не такой уж тяжелый способ умереть», – пробормотала Айша.

«Самое худшее, – сказала Человекобог Тиффани, – то, что я так и не успела кончить».

«Я имею в виду – самое худшее, не считая того, что я умерла», – уточнила Сокол Тиффани.

«Точнее, самое худшее, не считая того, что я умерла и вернулась к жизни в виде дурацких кувшинов», – добавила Бабуин Тиффани.

В посмертии, или что там это было, она испытывала постоянное сексуальное желание – или не совсем сексуальное, но такое, как будто все время была на грани чего-то исключительного, но недостижимого.

«Бла, бла, бла», – произнесли Чарисс, по слогу от каждого дневника, а потом закладка стала снова и снова читать чертову цитату.

«Пшла, на, хрен, – передразнили сосуды Тиффани и добавили: – Заткнись уже».

Астрид, студентка, приехавшая по обмену из Швеции, стала костяной инкрустацией в низенькой деревянной табуретке. Дизайн был простеньким, особенно по сравнению с Бланш, однако Астрид была функциональная и красива в своей компактности. По словам других женщин, она была высокой, умной и очень тихой.

«Не считая того времени, когда она умирала», – заметила Айша.

Я поставила Астрид на кухню. Она была идеального размера для того, чтобы доставать предметы, размещенные на верхних полках. Сначала я не решалась вставать на нее, но трудолюбивая протестантская сущность Астрид подразумевала, что она предпочла бы себе практическое применение, а не простое любование. Если я была в обуви, то подкладывала под ноги бумажное полотенце, чтобы не запачкать Астрид.

Она не говорила – была либо слишком травмирована, либо слишком застенчива, либо то и другое.

– Вы уверена, что это она? – спросила я вслух, хотя Астрид до последней точки соответствовала характеристикам из Чарисс.

«Да, – печально ответила Айша. – Когда Астрид вошла в подвал с ключом в руке, она упала в обморок при виде моего освежеванного тела».

Я уже знала эту историю. Она рассказывала ее миллион раз. Кожа, кровь, крики. Я заставляла себя слушать.

Что-то в прихожей вскрикнуло: «Прощу!» – и я вышла посмотреть, признательная за это вмешательство.

– Туфли? – спросила я у Тиффани.

«Долбаные туфли!» – согласились как минимум две из Тиффани.

Я держала небесно-синие туфли Эштона у двери рядом со своими кроссовками. Наверное, за компанию, на тот случай если в них тоже кто-нибудь был. Я присела на корточки и подняла их. Представила их на ногах у Эштона – как они со скрипом направляются ко мне.

«Хотя мы типа как не можем быть полностью уверены, что это были туфли», – сказала Человекобог Тиффани.

«На самом деле, может быть, это была я, – добавила Бабуин Тиффани. – Но я не думаю, что это была я».

Айша в другой комнате продолжала говорить. «Кровь, словно картина из клякс, – слышала я ее слова. – Лицо Эштона на свету, безумное от радости».

– Заткнись! – рявкнула я, швыряя туфли на пол.

«Но я хочу рассказать свою историю!» – прорыдала Айша сквозь конус своего абажура.

– Может быть, Астрид не хочет выслушивать все это заново, – сказала я.

Чарисс принялась зачитывать параметры того, чем должна была стать Тейлор: хрупкого узорчатого столика с тонкими ножками и столешницей, выложенной мозаикой из кусочков кости.

– А чем должна была стать я? – поинтересовалась я вслух. Чарисс замолчала. – Чарисс, ты знаешь?

Чувствуя головокружение, я выпрямилась и пошла к дневникам. Пролистала первый из них.

«Что ты делаешь? – спросила Чарисс. – Мне очень холодно, когда ты так делаешь».

Я взяла второй дневник и стала листать его.

«Не надо!» – воскликнула Чарисс. Но я уже дошла до страницы, которую она никогда не читала вслух.

– Здесь есть записи, Чарисс, – сердито сказала я.

«И что там сказано?» – поинтересовалась сверху Айша.

«Не думаю, что нам следует это читать», – ответила Чарисс.

«Да боже, просто прочти!» – сказала Бланш.

И Чарисс прочитала: «Тиффани плохо подходит для каноп (хотя, возможно, это хорошая шутка – мусор в древних сосудах за миллионы!). Чарисс: мало умения вырабатывать собственные идеи, отражает то, что в нее вложено, чистый лист как личность. Айша: способна освещать, но только до некоего предела, современная “альтернативная” эстетика, но все-таки

эстетика. Астрид идеальна как табуретка: скромная, почти безличная, высокая, но совершенно незаметная. Создана для функциональности».

А дальше шла я. «Пухлая кожаная оттоманка? Ха-ха!» – гласила запись, и ничего больше. Остальная страница была изрисована мечами; один из них пронзал сердце, выписанное с анатомической точностью.

– Пухлая оттоманка, – произнесла я.

«Он полный говнюк», – сказала одна из Тиффани.

«А что насчет меня?» – спросила Бланш.

«А, заткнись, – отозвалась Айша. – Мы все знаем, что ты функциональна и декоративна».

Чарисс снова начала читать с самого начала, почти истерическим тоном, характеристики, которые мы уже слышали сто раз.

«Он сделал нас карикатурами на себя самих, – сказала Айша, перекрывая бормотание Чарисс, – вычленил нашу суть, сделав нас предметами. Мы стали просто вещественными частицами его истории».

«Это что, какой-то дурацкий тезис?» – спросила Человекобог Тиффани.

«Я писала диссертацию», – прошипела Айша.

«Не могу поверить, что мы встречались с одним и тем же мужчиной», – сказала Человекобог Тиффани.

«И ты, и я», – фыркнула Айша.

Чарисс продолжала бормотать: «Табуретка. Семь дюймов шириной. Четырнадцать дюймов длиной. Девять с половиной дюймов высотой».

У меня разболелась голова – а может быть, она болела все это время.

«Мать твою так, Чарисс! – рявкнула Сокол Тиффани. – Мы все знаем, какой высоты Астрид!» Но дневники Чарисс просто продолжали читать с каждой секундой все громче и истеричнее.

Я выслушала их истории уже сотни раз, но они никогда не слышали мою.

– Мне было очень страшно, – сказала я, стараясь перебить Чарисс.

«Нет, – возразила Бланш. Ее голос был таким холодным и резким, что все умолкли. – Ты не имеешь такого права».

– Но...

«Что – но?» – спросила Бланш, самая блистательная из женщин Эштона. Я представила ее как красивую женщину, которой она когда-то была, и как она смотрит на меня сверху вниз, сложив худые руки на своей высокой груди. Но, конечно же, у нее не было теперь ни рук, ни груди, ни глаз. Она была туалетным столиком – три ящика, шесть маленьких белых ручек-шариков. В свете Айши флёр-де-лис Бланш – ее сломанные кости – сияли точно белые звезды.

Я хотела, чтобы кто-нибудь в комнате замолвил слово за меня; я хотела, чтобы хоть одна из них согласилась с тем, что я могу продолжать, что я могу рассказать свою историю. Но никто не сказал ни слова: ни кувшины Тиффани, ни Астрид, ни туфли в прихожей. Ни костяной гребень, ни сплетенные волосы, ни блокнот в кожаной обложке, ни даже закладка. Но в комнате не было тишины. Воздух дрожал от их дыхания, громкого, как поток воды, рушащийся на меня.

Может быть, я и не стала оттоманкой, но в том подвале я тоже трансформировалась. Как будто внутри у меня произошло землетрясение, как будто я была им опустошена, и теперь мне оставалось только жить среди развалин.

Кто вообще когда-либо смог бы понять меня по-настоящему, кроме них?

Сегодня я вернусь домой, и они будут там, будут говорить, снова и снова рассказывая мне о том, как они жили и как они умерли. В основном о том, как они умерли. Я никогда не получу права рассказать им свою историю, потому что мой долг – слушать. Потому что я – разве этого недостаточно? – по чистому, дурацкому везению осталась жива.

Неделя вторая

Руби

Руби открывает глаза. Над ней парят размытые лица, подсвеченные сзади люминесцентными лампами. Выложенный линолеумной плиткой пол под ней прохладен. Все ее тело зудит от пота и сырости. Голова болит так, словно ее разрубили надвое мясницким тесаком. Теплые пальцы касаются ее запястья, проверяя пульс. Это Уилл – он стоит рядом с ней на коленях.

– Она приходит в себя.

– Что случилось?

– Дайте ей секунду.

След из красной жидкости ведет к той точке, где она упала. Руби вся покрыта красным, пропитана им. Оно промокло насквозь ее красную футболку, стекает по складкам юбки из металлизированной ткани, струйками бежит по лицу и собирается в волосах. Они уже осмотрели ее, ища рану, но все знают: будь это ее кровь, Руби уже была бы мертва.

– Ты упала в обморок. От перегрева. – Уилл по-прежнему склоняется над ней; вид у него почти героический, словно у врача в медицинской драме. – Ты не ранена?

– Ничего особенного, – отзывается Руби, голос ее звучит хрипло и замедленно. Линзы ее очков покрыты розовыми мазками, как будто она пыталась протереть их, но безуспешно. Облизывает передний зуб – он выщербился. – Черт... – Руби чувствует, как от нее пахнет – кислый запах потного тела. В подвале прохладнее, чем снаружи, где царит жара в 32 градуса Цельсия, но все же недостаточно прохладно.

Воеет сирена.

– Это не за мной? – спрашивает Руби. Звук сирены окончательно приводит ее в себя. Она приподнимается, опираясь на локти.

– Разве не понятно? – Эшли стоит так, словно позирует для фотографа – одна рука лежит на талии, противоположное бедро выпячено, ступни слегка расставлены. Пот на ее коже выглядит скорее как смазка, как масло. Руби видит ее загорелые худые голени и бедра до того места, где они скрываются под черной джинсовой юбкой, выше пояса которой виднеется такой же загорелый торс, украшенный пирсингом; еще выше начинается розовый короткий топик на лямках.

Эшли напоминает Руби какое-то насекомое: тем, как хлопают ее огромные ресницы, тем, как блестят огромные солнечные очки, сдвинутые почти на макушку, словно дополнительная пара глаз, тем, как невероятно раздражает ее присутствие.

– Поздравляю, – говорит Руби. – Я вижу, твой пупок тоже помолвлен.

Эшли строит гримасу.

Уилл уходит, чтобы встретить «Скорую помощь». Руби видит, как его коричневые кожаные туфли мелькают за окном, выходящим в переулок.

– Не было смысла вызывать «Скорую», – произносит Руби.

Рэйна пытается помочь ей снять шубу, но Руби отказывается, и вместо этого Рэйна предлагает ей бутылку с водой. Руби жадно глотает воду, часть воды проливается и капает с ее подбородка; стальная бутылка блестит в свете потолочных ламп, словно пуля. Руби вытирает подбородок мокрым меховым рукавом, оставляя свежий мазок красного на губах, так что кажется, будто она только что ела мясо с кровью.

– Спасибо, – говорит Руби, протягивая пустую бутылку Рэйне, которая выглядит такой же утонченной и идеальной, как неделю назад. Руби никогда не доверяла тем, кто может носить

блузку «по-французски» – заправляя переднюю часть, а заднюю оставляя навыпуск. Не то чтобы она доверяла тем, кто этого не делает.

Несмотря на возражения всей группы, Руби встает, вытягивая руку, чтобы сохранить равновесие. Рэйна пытается ей помочь, но Руби отмахивается от нее; потом, словно раненое животное, ковыляет к кругу стульев, оставляя за собой след из красных капель. Опускается на тот же стул, на котором сидела неделю назад, и сутулится так сильно, что мокрые плечи ее шубы оказываются выше ее головы. Она выглядит как человек, переживший постапокалиптическую грозу или воскресший из мертвых.

Никто не следует за ней. Руби смотрит на них через измазанные красным линзы очков. Все они наблюдают за ней с противоположного конца комнаты – кроме Гретель, чей взгляд устремлен в пустоту, на какую-то случайную точку в воздухе.

Гретель одета практически так же, как на прошлой неделе. Ее блузка слишком велика для худощавого тела, словно женщина надеется затеряться в ней. От жары тонкая ткань прилипает к ее спине, и Руби может различить даже отдельные позвонки на хребте Гретель. Верхние две пуговицы расстегнуты, и в треугольном вырезе частично видны ключицы, острые, словно лезвие ножа.

Кудри-спиральки на голове Гретель топорщатся во все стороны. Руби не может решить, на кого Гретель похожа больше: на безумного ученого или на маленькую девочку? Она не может понять Гретель в целом: напряжена ли та или совершенно безразлична ко всему, спокойна ли она или тихо-безумна? С такой детской травмой, как у нее – если предположить, что история Гретель правдива, – кто может знать?

Руби никогда не видела кого-то столь отстраненного. Провод от наушников обмотан вокруг пальцев Гретель, и она даже не пытается теребить его, не пытается притвориться, будто делает что-нибудь, не утруждает себя тем, чтобы привести в порядок ногти или поправить одежду. Почему-то очень неприятно, когда тебя игнорируют, даже не притворяясь, будто это не так.

Кожаные туфли проходят обратно, по пятам за ними следуют две пары белых кроссовок. Все они топают по коридору, потом врываются в комнату, словно группа захвата. Парамедики в голубой форме, с бейджиками на груди.

Руби скидывает руки.

– У меня нет медицинской страховки!

Женщина-парамедик с черными волосами, стянутыми в изящный хвост, садится рядом с Руби и начинает задавать обычные вопросы, наподобие «какой сейчас год, Руби?», «кто у нас президент, Руби?»

– Какая разница? – отвечает Руби, еще сильнее сползая по спинке стула. – Всегда одно и то же.

Парамедики настаивают на том, что не будут выставить ей счет за спортивный напиток, которым напоили ее, и мокрое полотенце, которое положили ей на голову. Она отказывается снять свою шубу. Выжимает волосы; розовая вода капает на плиточный пол.

– Я все время вырубаясь. Я как перегретый фен – отключаюсь, вместо того чтобы сломаться.

– Чем это вы испачкались? – спрашивает парамедик.

– Это не имеет никакого отношения к моему состоянию.

Парамедики уезжают; они не могут заставить ее поехать с ними. Уилл и женщины медленно рассаживаются в круг, возвращаясь на те же места, где сидели неделю назад. Эшли, сидящая рядом с Руби, отодвигает свой стул, смещаясь поближе к Бернис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.